

Анатолий Рубцов

Время Каина

Окончательный отбор

«Вот и значение слов: мене — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; текел — ты взвешен на весах и найден очень лёгким; перес — разделено царство твое...».

Дан. 5:26-28

Отчего женский крик всегда тревожен? И заметьте, обычно воспринимается в качестве призыва к действию. Иное дело — крик мужчины. Одновременный вопль ста тысяч мужиков по поводу гола, забитого любимой командой, ничего, кроме радости, в себе не несет. Радость женщины в крике не проявляется. Крик десятка женщин означает несчастье; крик сотни — уже беда; крик тысячи — катастрофа, и ничем иным быть не может. В любом случае, крик женщины — даже незнакомой, — как паровозный гудок в ночи, будит и заставляет прислушаться в неизъяснимой тревоге...

Впрочем, кто сейчас помнит звук паровозного гудка? — пожалуй, только замшелые пенсионеры.

Вот и Петрович помнил — потому что и был пенсионером. Тем более странно, что среагировал на крик женщины, как молодой — свалив с ног воришку одним движением, — ну точно в боевике каком-нибудь. Воришка, хоть и не выглядел здоровяком (скорее наоборот, он показался Петровичу довольно-таки мелким — мелким и злым при этом, какими бывают отъявленные мерзавцы вроде Малюты Скуратова или сталинского наркома Николая Ежова), но, выхватив сумку из рук женщины, успел набрать такой ход, что сам свалил бы любого амбала — кинетическая энергия, эмвэквадрат на два, знаете ли. К счастью, Петрович проявил себя удивительно ловким, избежав столкновения и подставив воришке ногу, а не свое немощное тело. Он увидел лицо этого бедняги: одутловатое, с трясущимися на бегу небритыми щеками, квадратные от ужаса глаза, судорожно открытый рот... и, как матадор перед быком, сделал быстрый шаг в сторону, а потом, уже пропуская животное мимо, точно шпагу, выбросил ногу в разящем — иначе не скажешь — движении. Впрочем, себя самого в этой тавромахии он как раз и не мог видеть — возможно, его роль со стороны выглядела не столь идеально. Может быть, если б тогда на воображаемой арене присутствовали зрители, они бы освистали матадора, но, так уж получилось, что свидетелем данного происшествия

была одна-единственная женщина, да и та, как говорится, оказалась потерпевшей, то есть лицом заинтересованным, что исключает объективную оценку с ее стороны. Вот почему не следует отбрасывать возможность вмешательства случайности — извечной соперницы предопределенности: пожилой прохожий, услышав крик — что-то вроде «держите вора!» — испугался бегущего навстречу хулигана — ее, случайности, посланника, — уклонился от столкновения, поскользнулся при этом, нога на секунду ушла в сторону, а хулиган — такова уж, видать, его судьба! — споткнулся о нее и, пролаяв несколько нецензурных слов в адрес подвернувшегося не вовремя бедолаги, рухнул на колени, выпустив из рук сумку; пытаясь встать на ноги без потери скорости, он проскакал на четвереньках еще несколько шагов — и исчез из поля зрения. Петрович поспешил наклониться, чтобы поднять сумку — красивую, с золотыми пряжками, неожиданно тяжелую, — и только тогда подумал, что вор, хоть и мелкий, но злой, может вернуться за сумкой, а заодно, чтобы отомстить виновнику своего фиаско. Он поспешно обернулся, но увидел лишь пустынную улицу и черного пса, скрывшегося за углом дома по Стретенской, 13. Вероятно, за тем же углом, выходящим на Стрелецкую, исчез и вор. Петрович пожал плечами: преследование вора ему

показалось абсолютно бесперспективным делом. Тогда он вспомнил о женщине. А она, уверенным шагом фатума, уже приближалась — крупная, с правильными чертами волевого лица, на котором явственно читалось намерение во что бы то ни стало вернуть принадлежащую ей вещь. Петрович, собственно, не возражал: с вежливой улыбкой старого киевского интеллигента он протянул ей сумку, и тогда выражение огромного облегчения осветило ее лицо — теперь оно казалось не только волевым, но и красивым. Времена в Киеве были непростыми: кто его знает, наверное думала женщина, приближаясь к Петровичу, вот сейчас возьмет и махнет с моей сумкой куда подальше. Но он не махнул, и она, прижав к груди вновь обретенную сумку, тоже улыбнулась:

— Если бы вы знали, как я вам благодарна! — сказала она.

— Ну что вы, пустяки, — махнул рукой Петрович.

— Нет, правда, тут ценная для меня вещь... — Она осеклась словно бы. — Но откуда он...?

— Что вы...?

Женщина задумчиво посмотрела на Петровича:

— Мне хотелось бы вас как-нибудь отблагодарить.

— Право, не стоит беспокоиться. — Он

бросил смущенный взгляд в ее сторону. Одета она была аккуратно, но, скажем так, — не богато. Красивая все-таки, тут не поспоришь, хотя, как на взгляд Петровича, немного злоупотребляла косметикой. С учетом этого ей, пожалуй, слегка за сорок. По всему чувствовалось, что лучшие времена у нее позади. И чем она могла отблагодарить Петровича? Женщины, по правде говоря, его давно не интересовали. Когда-то он отдавал им должное, и многие из них любили его. Может, потому в результате и остался холостяком. А теперь-то, что толку говорить об этом? Тем более, что говорить только и оставалось.

— Не подумайте, я вовсе не... — Она словно бы почувствовала его сомнения, словно бы сама засомневалась в чем-то. И решила вдруг: — Послушайте, у вас есть время? Идемте ко мне. Я вас отлично накормлю. Мы как раз у моего дома.

Предложение по нынешним «не тучным» временам звучало заманчиво.

— Звучит заманчиво, — сразу согласился Петрович. Он взглянул на дом, указанный взмахом ее руки: старый, пятиэтажный, кирпичного цвета, с белой, местами обвалившейся лепниной, — дом, как и женщина, явно знавал лучшие времена. — Мне было бы любопытно взглянуть на квартиру в этом доме. Я, знаете ли, любитель старины.

— Все мы в определенном возрасте

становимся любителями старины, — отозвалась женщина, открывая хитрый замок на тяжелой двери парадного.

В подъезде было тепло, сухо, темно; что удивительно, здесь не чувствовался кислый запах старости — его нет смысла описывать: он всем хорошо знаком, потому что свойствен не только старым домам, но и старым, одиноким людям. Еще удивительнее был работающий лифт в этом старом доме. Задржав головы, они остановились у забранной металлической сеткой клетки, уходящей в бездну.

— Вы абсолютно правы. Я, например, заинтересовался прошлым, лишь выйдя на пенсию. Моя профессия никак не была связана с историей, — сказал Петрович, чтобы не молчать в ожидании — он всегда испытывал неловкость в подобной ситуации.

Лифт подошел бесшумно, хотя дом вздрогнул — как будто к рыбацким мосткам пришвартовался тяжелогруженный баркас. Распахнулась дверь, яркий свет косо разрезал темноту. Женщина чуть подтолкнула Петровича в спину, чтобы он заходил первым.

В углу кабины сидел старик-лифтер, даже не посмотревший в их сторону.

— Седьмой, пожалуйста, — сказала женщина.

Петрович удивленно воззрился на нее. Старик тоже:

— А почему не в подвал сразу? А может быть, на Седьмое небо желаете? — спросил он, не трогая лифт с места.

— Послушай, Арон, — сказала женщина. — Совесть надо иметь. — Ты ведь сегодня уже получил свой обол.

— А про инфляцию ты что-нибудь слышала? — хмыкнул старик, протягивая раскрытую ладонь.

Выйдя из лифта, остановились у дверей, не уступающих по размеру гаражным воротам. Звякнули ключи. Петрович хмыкнул, представив себя перед вратами рая. А рядом — апостола Петра, звенящего ключами.

— Кем же вы были по профессии? — Женщина легко, будто садовую калитку, распахнула дверь. — Проходите. Раздевайтесь. Вон вешалка, видите? Не вздумайте снимать обувь — у нас тут по-простому.

В прихожей, как и в подъезде, царила полутьма, хотя здесь на стенах светились множество плафонов, да и вместо потолка (которого видно не было) горело звездное небо из мелких лампочек, тускло поблескивал золотой багет картин, развешенных в глубине помещения. Что касается запаха — нет, скорее аромата, витавшего в воздухе, — то его хотелось вдыхать полной грудью, что Петрович и сделал несколько

раз, но прекратил дыхательные упражнения, так как у него закружилась голова: просто беда с головой-то, подумал он.

— Идите за мной, — поманила она его, — а то здесь можно заблудиться.

— У вас тут как в музее, — сказал он, присматриваясь к картинам. — Это что же, всё подлинники?

— Да уж надеюсь, — послышался ответ издалека.

Потерявший хозяйку из виду Петрович поспешил на ее голос и, как ему показалось, вошел в следующее помещение — зал, вероятно, большой зал, поскольку исчезли плафоны на стенах, и картины, и сами стены исчезли, как бы отодвинувшись за горизонт вместе с продвижением в глубь этого пространства — помещения такого же полутемного, как и прихожая, и освещенного все же каким-то невидимым источником, заставлявшим, скорее всего, светиться сам воздух, — как лучи не взошедшего еще солнца заставляют светиться червонным золотом белесый утренний туман.

— Так все же... кем вы были... по профессии? — послышался ее голос — прерывавшийся слегка, будто она поднимала что-то тяжелое или, допустим, стягивала с головы свитер с плотным горлом.

Петрович покрутился на месте, пытаясь понять, откуда раздается голос, но, сочтя это неприличным, так как она, возможно, и в самом деле переодевалась, сел на диван, проявившийся в тумане весьма кстати, — и утонул по пояс в его мягких подушках.

— Был? Инженером. На «Красном экскаваторе». Всю жизнь, — проговорил он в пространство, будто каясь перед Богом за совершённый грех.

Она появилась неожиданно, к тому же не с той стороны, откуда раздавался голос. И правда — уже переодевшись. Наряд ее — длинное, свободное, однотонное платье, подпоясанное с напуском, — походил на древнегреческий пеплос — квадратный кусок ткани, в который гречанки заворачивались, закрепляя на плече брошью, называемой фибулой. Являлся ли наряд пеплосом, легко можно было проверить: стоило развязать поясок и расстегнуть фибулу, как пеплос, в отличие от платья, упал бы к ногам хозяйки, оставив ее совершенно обнаженной, так как под пеплосом гречанки ничего не носили, но не от особой сексуальности — просто нижнего белья у них в те времена не существовало. Вот какие подробности о древнегреческом костюме знал Петрович, благодаря своей любви к старине. Ему интересно было бы проверить, пеплос ли на ней все-таки, — но не для того, чтобы увидеть ее

обнаженной, а так, любопытства ради. Хотя...

Надо сказать, «пеплос» ей очень подходил, не то чтобы скрывая, но как бы оправдывая некоторую монументальность фигуры, — это делало ее похожей на известные изображения древнегреческих богинь, также отличающихся здоровой полнотой в сравнении с современными канонами.

— Давайте наконец знакомиться, — сказала она, протягивая руку. — Я — Ана.

— Анна? — переспросил он, поднявшись с дивана и пожимая ей руку.

— Нет, Ана, — она подняла палец, обращая внимание на особенность произношения ее имени.

— Ага. Понял: Ана. Помню, недавно был такой тропический шторм. Я тогда обратил на него внимание из-за названия.

— Шестой по счету под таким именем... А вас-то как зовут?

— А. Петрович, — засмеялся он.

— Петрович?

— О. Нет конечно... — Он засмеялся еще пуще: — Иван Петрович. Иван Петрович — что может быть банальнее?

— Так как вас все-таки прикажете называть? — засмеялась и она.

— Петровичем, если вам не трудно. Меня все так называют. Петрович, Иван Петрович — какая

разница? Зато Петрович — короче.

— Ну Иван-то еще короче...

— Короче, да Иванов — пруд пруди. А Петровичей заметно меньше.

— Тут я с вами согласна. Хотя Иван мне нравится больше. Гора-а-аздо больше... Можно я буду называть вас Иваном? Тем более, что это ваше имя.

Между тем они снова куда-то шли. По изменившемуся звуку шагов — они стали гулкими и громкими — Петрович понял, что они вошли в новое помещение. В центре его (стен по-прежнему видно не было, но Петровичу показалось, что именно так — в центре) стоял стол: огромный, персон, быть может, на пятьдесят, за которым по одну из сторон в молчании сидели три женщины или девушки — понять не представлялось возможным, поскольку, опять-таки, освещение в зале было камерным: несколько канделябров на столе, на обитаемом, так сказать, его участке — остальная часть не накрытой столешницы скрывалась в темноте, давая возможность воображению судить об истинных ее размерах.

— Мои дочери, — объявила Ана. Они остановились по другую сторону стола, напротив девушек (никогда не имевший детей Петрович решил отчего-то, что дочерям больше подходит именно такой статус).

— Кло, — Ана указала рукой на девушку, поднявшуюся и сделавшую нечто вроде реверанса в знак приветствия. В руках у нее безостановочно метался клубок ниток, который она теребила привычным движением, что заметно диссонировало с ощущением мертвенного покоя, царящего в зале. — Ты можешь, хоть не надолго, отложить пряжу?

— Хорошо, мама, — снова чуть присела девушка. Она была не так уж и молода, но все еще хороша собой той особой красотой, которую придает лишь молодость, — тем больнее, когда с наступлением зрелости красота начинает увядать. И эта боль — то ли во взгляде ее, то ли в поведении (в готовности принять будущее, что бы оно не принесло с собой) — уже ощущалась. И в этом тоже была своя прелесть.

— Лахе. — С тем же заученным приветствием поднялась другая. Она, как показалось Петровичу, держала что-то вроде аптекарских весов, которые поспешно переправила под стол. — Ну совсем как дети! — беззлобно пожурила мать.

— Извини, мама, — я немного не успеваю... — Красота Лахе, безусловно, не была исключительно даром молодости: прежде всего она была похожа на мать — в ней чувствовалась порода и осознание этого факта, а также способность действовать в соответствии с ним, а значит,

добиваться своего.

— Ладно, ладно, не всем это интересно... Легкий жест дирижера ладонью кверху: — Атро. — Поднялась третья; в руке у нее зловеще блеснул полированный металл. Это были ножницы, которые она непосредственным девчачьим движением сразу спрятала за спину. Мать только покачала головой. Девушка между тем — единственная из всех — проявила интерес к гостю: ее глаза — два черных отверстия, в которых светился едва заметный inferнальный огонек, — с любопытством смотрели на Петровича.

— А его-то как звать? — неожиданно низким, с легкой хрипотцой голосом капризного ребенка спросила Атро. Пожалуй, она была младшей из сестер и точно — самой красивой. Здесь присутствовали в гармонии (в той гармонии, которая только и обеспечивает истинную красоту) и прелесть юности, и своеобычность черт лица, движений тела, манеры говорить, и та харизма, что безвозвратно увлекает любого, на мгновение доверившегося ей.

— Петрович.

— Ёван.

Они с Аной ответили одновременно и поэтому дружно рассмеялись. Лишь потом Петрович сообразил, что она, Ана, дважды переименовала его имя, сделав ударение на первой букве. — Иван, —

еще раз повторила она, подтверждая таким образом свой вариант. — Ив́анов пруд пруди, а Ёван только у нас будет. — Огонек в глазах Атро вспыхнул: любопытство всегда служило лучшим топливом для адского пламени. Неясным оставалось только, что именно заинтересовало дочку: то ли взаимоотношения матери с гостем, то ли его имя, то ли предстоящее положение в доме, обозначенное тремя словами: «у нас будет» — в качестве кого, простите? Петрович пожал плечами: какая разница, подумал он, ну какая разница...

Расселись, Петрович при этом ловко подставил стул соседке, та приняла это как должное, то есть не заметив как бы, зато заметила Атро, в глазах которой мелькнула смешинка, а губы чуть искривились — презрительно быть может? — хотя какая раз...

* * *

...дался серебряный звонок колокольчика — он оказался в руках у Аны, закончившей подробный рассказ о «подвиге» Петровича. По словам свидетельницы, выходило, что Петрович-то наш действовал как герой, и нам абсолютно не стоило сомневаться в этом. А тот, надо сказать, чувствовал себя не в своей тарелке — не привык, бедняга, к похвалам, тем более в такой аудитории.

На работе Петровича никогда не хвалили, да он, собственно, и не рвался в передовики, как тогда это называлось. Работал как все, выполнял план, участвовал в общественной жизни — но не более того. А когда потребовалось более, уже не мог заставить себя, а потому и отправили на заслуженный отдых, как только подошло время, — ну и бог с ними, тем более что и завод встал — навсегда наверное — уже вскоре после этого.

Ну вот. «Аудитория» внимательно выслушала рассказ, время от времени поглядывая в сторону Петровича, но и тот не упускал случая присмотреться к девушкам: право слово, они того заслуживали, да и одежды их — белые полупрозрачные туники, гораздо более короткие, чем пеплос Аны, — как бы провоцировали на несвойственную пенсионеру остроту взгляда. В данном случае сомнений не возникало: на них были настоящие древнегреческие одежды, под которыми носить что-либо не полагалось.

Тут следует пояснить поведение Петровича: понятное дело, с момента входа в квартиру на седьмом этаже (которого в пятиэтажном доме просто напросто не могло существовать) его не оставляло ощущение, что он сошел с ума; вот уже с полчаса он пребывал в крайней степени удивления (и мы понимаем его, и сами немало удивляемся, и подозреваем даже, что автор специально вводит нас

в заблуждение) — удивления, порожденного многими вещами, — но нимало, ни разу не подал виду, что все это хоть сколько-нибудь озадачивает его. Таковы они, наши пенсионеры. Да и вообще, таковы они — наши. Сколько раз, будучи за рубежом, поражался я способности нашего человека демонстрировать каменное равнодушие ко всяческим иноземным чудесам — равнодушие искусственное, равнодушие лишь только в выражении лица, при том что в глубине загадочной своей души он все-таки сгорает от любопытства, от зависти, от недоумения, в общем от нормальных человеческих чувств: а почему у нас-то не так, почему у нас все настолько хуже, почему?! — но гордость, наша исконная, что ли, невозмутимость не позволяет ему проявить их — ничего, кроме выражения скуки, видали мы, мол, и не такое, нельзя прочесть у него на лице...

На звук колокольчика в зале появилась длинная вереница девушек — хорошо, впрочем, организованных, поскольку каждая из них отлично знала, что ей делать. Все их движения в сумме напоминали бы сложный танец, если бы не совершались в абсолютной тишине. (Про их одежды лучше не говорить, потому что говорить было бы не о чем.) Вот одна приблизилась к Петровичу — тот скромно опустил глаза — и поставила перед ним белую чашу, наполненную

водой, в которой плавали лепестки роз. Другая, как он заметил, поставила такую же чашу перед Аной, и та, опустив в нее руки, ополоснула их. То же самое, благодарно кивнув «своей» девушке, проделал и Петрович. Вода была теплой и душистой, таким же теплым и душистым оказалось полотенце, протянутое второй девушкой, незамедлительно подплывшей к нему в своей части адажио. Другие «танцовщицы» расставляли посуду — самой разной формы и размеров, — наполненную известными и не известными Петровичу овощами, фруктами, мучными, мясными, рыбными и прочими кулинарными изделиями; с особым пиететом подавалось вино: каждая из бутылок (а их было несколько) представлялась Ане, и некоторые из них отправлялись обратным легким движением руки, а предварительно принятые открывались, вино — и красное, и белое — наливалось на дно бокала, пробовалось на вкус и запах и только после этого с одобрителем комментарием водружалось на стол. При всем при том разговор, легкий, непринужденный, какой бывает между хорошо знающими, любящими друг друга людьми, продолжался — в основном, конечно, без участия Петровича, но и без попыток втянуть его в этот разговор, что его совершенно устраивало.

— Ну ладно, давайте все-таки ужинать, —

предложила Ана. — Я ведь пригласила человека покушать, в конце концов... Налейте мне вина, если вам не трудно, — обратилась она к Петровичу. — Любого, — махнула рукой. — На ваш выбор, здесь нет плохих. Но к рыбной закуске я бы вам все же порекомендовала вот это белое, — доверительно наклонившись к нему, шепнула она.

Отведав жульен из семги вместе с парой бокалов отменного белого, Петрович почувствовал себя значительно увереннее — пусть не старожилем на районе, но и не новичком все-таки. А это требовало от него хоть какой-то активности.

— Кто мне объяснит, — промокнув рот салфеткой, спросил он, — откуда в пятиэтажном доме взялся седьмой этаж? Ведь ваша квартира на седьмом, кажется?

Лахе и Кло переглянулись, Атро фыркнула.

— Все очень просто, — вступила Кло. — Эта квартира находится в пристройке, которую с улицы не видно за фасадом дома. Обычное архитектурное решение в историческом центре города.

— Действительно, просто. А я как-то не сообразил, — смешался Петрович. — Зато вид из ваших окон, должно быть, замечательный!

— А у нас нет окон! Ни одного окна в квартире! — объявила Лахе. — Эту пристройку проектировали в качестве архива какой-то организации. К концу строительства она лопнула, а

здание продали с целью погашения долгов.

— Благодаря отсутствию окон, нам удалось приобрести эту квартиру. Язык не поворачивается сказать, сколько бы она стоила, окажись здесь пара окон с вашими замечательными видами, — добавила Атро. — Кстати, идея: перед продажей надо будет все-таки проделать окна для повышения цены.

— А rgoros, язычков соловьиных отведайте. А к язычкам вот это Бордо подойдет, — порекомендовала Ана.

Их реакция на вопрос Петровича заставила его вспомнить оперу: отвечая, каждая из них как будто исполняла свою арию, вступая в отведенное ролью время, и так же, в отведенное время, уступая место на авансцене другой исполнительнице. Несмотря на самостоятельность отдельных арий, все вместе, сливаясь в единой музыкальной гармонии, они составляли целостное произведение искусства, любителем которого — небольшим правда, — в свое время и был Петрович. (Откровенно говоря, целью его походов в оперу являлось не высокое искусство, а знакомство с девушками. Полутемный зал и ярко освещенные холлы — идеальное место, где можно в выгодном свете подать себя и в то же время оценить предполагаемого партнера.)

Наши девушки между тем оживленно

исполняли ариозо на задней сцене. Особенностью их речитативов было то, что принять участие в них для постороннего было бы невозможно — хотя бы потому что состояли они, в основном, из междометий и неоконченных предложений:

— Хм, — глядя в воздух прямо перед собой, качала головой Кло. Она внимательно вглядывалась в часть пространства, находящегося перед ней, в которое время от времени с любопытством заглядывали и ее соседки, и Ана, да и Петрович, пытавшийся понять, что же они там выглядывают, но не видевший ничего, кроме клубящегося в свете свечей тумана, — картины обычной, как мы уже понимаем, в необычных просторах этой квартиры. Итак:

— Хм, — качала головой Кло.

— Ладно, замнем, — отвечала Лахе.

— Ну, не знаю, — заключала Атро.

Примерно через минуту молчания:

— Ха-ха-ха.

— Приехали.

— Ну-ну.

— Вот так всегда.

— А ты на что надеялась?

Казалось, так могло продолжаться бесконечно. Мать не вмешивалась в их разговор, раздумывая о чем-то своем. (Вместе с тем ужин — как процесс поглощения пищи — продолжался, в

основном все-таки, благодаря усилиям Петровича. Несмотря на чувство изумления, не покидавшее его, аппетит у него оставался отменным; да если б его, аппетита, и не оказалось, Петрович все равно счел бы своим долгом попробовать каждое из блюд, отведать содержимое каждой из бутылок — ибо все было прекрасно, вкусно и качественно настолько, что он никогда бы не простил себе, если бы в столь ответственный момент проявил слабость и бесхарактерность.)

— Нет, ну скажите, откуда он мог узнать? — вдруг воскликнула Ана, видимо продолжая тему сегодняшнего происшествия.

— Но ты уверена, что это именно он? — Кло возвела вопрос в квадрат, совершенно механически продолжая сматывать (или разматывать — это до сих пор Петровичу было непонятно) свой бесконечный клубок.

— Ну а кто еще это мог быть? — последовало возведение вопроса в куб от Лахе, которая, продолжала вглядываться в пространство, время от времени отпивая из своего бокала.

— А почему бы тебе, собственно, самой не рассчитать? — вопрос, возведенный голосом Атро в четвертую степень, по кругу возвратился к Ане.

— Девочки, не толкайте меня на преступление. Я бы могла попросить и Лахе расшифровать коды, но не могу использовать

должностное положение в личных целях. Или вы хотите отправить меня в подвал? — задумчивый голос Аны возвел вопрос в пятую степень и, похоже, направил его на дальнейшую операцию умножения вопросов самих на себя.

— Но ты видела, как он обернулся собакой? — спросила Кло. Каждый вопрос рождал следующий вопрос, вопросы только множились, и, казалось, уже не существовало пути узнать ответы на них.

Ана раздраженно развела руками:

— Разве не понятно, что я не могла оторвать взгляд от сумки? Неужели я бы сомневалась, если б увидела пса?

В этот момент Петрович, с любопытством пытавшийся оценить новый вид полемики, свидетелем которой он стал, решил вмешаться, чтобы нарушить патовую ситуацию, которая, как известно, может продолжаться бесконечно:

— Я видел собаку. Черную. Она скрылась за углом на Стрелецкой, — сказал он.

И сразу наступила тишина. Поток вопросов мгновенно прекратился. Все присутствующие воззрились на Петровича, будто ожидая от него продолжения рассказа. Он, хоть и польщенный вниманием, молчал — а что еще он мог сообщить аудитории?

— Ну вот, я же говорила... — в конце концов

нарушила тишину Ана. Голос ее прозвучал растерянно. Однако она быстро взяла себя в руки. Умение справляться со своими чувствами было свойственно ей — Петрович, как мы помним, отметил это сразу после происшествия с сумкой: — Ну что ж, если никто не против, закончим нашу трапезу... — Она взглянула на Петровича, потянувшегося к бокалу, подождала, пока он допьет вино (оставить недопитый бокал великолепного напитка было выше его сил), и поднялась: — Девочки, займитесь своими делами, а нам с Иваном надо поговорить тет-а-тет.

Пройдя в привычном уже полумраке в следующее помещение этого нескончаемого дома, они прилегли на козетках перед низким столиком, накрытым на двоих, — получилось нечто вроде древнеримского триклиния, что, на взгляд Петровича, создавало особо доверительную атмосферу для беседы. На столике были фрукты, виноград, канапе, тарталетки, сыр, крекеры и креветки — как определил Петрович, — а также бутылка вина: громадная, чуть ли ни с ведро, черная, пыльная, вся в паутине.

— Это мой кабинет. Я здесь работаю, а иногда уединяюсь, когда надо подумать или просто хочется побыть одной... — Ана покачала ногой, обутой в золотую сандалию. Похоже, она хотела о чем-то спросить или рассказать — но никак не

могла решиться.

— У вас что-то случилось? — решил помочь ей Петрович.

Ана посмотрела ему в глаза:

— Скорее, у вас, — сообщила она тихо, без всякого выражения, без драматизма в голосе, который так любят применять в разговоре женщины (ты слышала!? — и круглые глаза), — чтобы, вероятно, не напугать собеседника.

Петрович недоверчиво улыбнулся, оглянувшись отчего-то по сторонам:

— Вы шутите?

— Какие тут шутки... Впрочем, ничего страшного. Не волнуйтесь... Просто отныне вам лучше не покидать этот дом. Вообще. Никогда.

Наконец-то Петрович всё понял. Все странности, происходившие в этот вечер, нашли свое рациональное объяснение, мрак рассеялся: они тут все ненормальные, все не в себе, понял он.

— Я что же, у вас в плену? Вы взяли меня в заложники? — Нужно было говорить как можно спокойнее, как можно рассудительнее — так следует разговаривать с сумасшедшими и пьяными, читал где-то Петрович.

— Сейчас я вам всё объясню. Вам надо только поверить мне. А поверить будет непросто... Знаете что? Уверена, вы никогда не пробовали шамбертен. Думаю, бокал шамбертена — это то, что лучше

всего сейчас сможет помочь, — и мне, и вам. Любимое вино Наполеона, этого баловня судьбы. Не могли бы вы взять на себя труд открыть эту бутылку?

— Отчего же не открыть? — проворчал Петрович. — Хотя лично я предпочел бы поскорее узнать, что вы имеете в виду, говоря, будто мне лучше не покидать ваш дом.

— Мне некуда больше спешить... — пропела она, наблюдая, как густая, красная, словно кровь, жидкость наполняет бокалы.

— И правда, отличное вино, никогда такого не пил, — сказал Петрович, закусывая кусочком сыра. — Хм. И сыр прекрасный, никогда такого не ел... Но что, черт возьми...

— Собака. Если вы видели ту собаку...

— Собака? При чем тут собака?

— Конечно, собака ни при чем. Потому что это была не собака. Это был Гласиа. Гласиа Лаболас. Двадцать пятый дух, губернатор преисподней, предводитель тридцати шести легионов духов... Можете в Википедии посмотреть. Я сомневалась в этом, я не была в этом уверена... но вы сами сказали, что видели собаку... а Гласиа Лаболас именно собакой и оборачивается... Но раз это был Гласиа, раз Гласиа решил ограбить меня, а вы ему помешали, то теперь вы — его личный враг... Вы представляете себе, что значит быть

личным врагом губернатора преисподней? Теперь везде, кроме этой квартиры, в любом месте земли и неба, вас будет поджидать опасность, очень серьезная, смертельная даже опасность — вы понимаете это или нет?

— Вообще-то я не верю ни в преисподнюю, ни тем более в губернатора преисподней, — сказал Петрович, подумав в то же время: «Но я уверен, что она сумасшедшая, а значит, это правда — у меня проблемы». — А насчет опасности, — продолжил он, — так она и без того везде поджидает нас. Ни на улице, ни дома я не чувствую себя в безопасности. Разгул преступности, война, беженцы... Мы все уже привыкли к постоянному присутствию опасности и даже перестали ощущать ее бесцеремонность.

— Ну вот, я же говорила: трудно будет поверить... Налейте-ка еще шамбертена. Да-да, и мне тоже.

Может, и в самом деле напоить ее, подумал Петрович. Напоить — и сбежать отсюда. С девчонками он как-нибудь справится. Откроется ли только дверь? Да и найти ее еще надо — эту черную дверь в этом темном доме.

— Поймите, Гласиа Лаболас и есть источник опасности, о которой вы говорите. Опасности для всех, для каждого живущего в этой стране и в этом городе. Как вы думаете, кто затеял эту войну? Он со

своими легионами — кто же еще!? А теперь вы, лично вы, помешали ему занять вещь, которая была у меня в сумке. Вы представляете, кому перешли дорогу?

— Ну хорошо, а вам-то самим, откуда про него известно, и почему, собственно, в вашем доме мне можно чувствовать себя в безопасности, несмотря на то, что опасность — кругом? — Петрович старался оставаться спокойным и логичным, хотя чувствовал, что паника постепенно овладевает им и долго ему не продержаться в окопчике здравомыслия, оставаясь в окружении этих сумасшедших. Тут мог помочь только шамбертен, и он снова щедро налил — и ей, и себе.

— Потому что мне *всё* известно. О вас и обо всех, — спокойно, веско, с сознанием собственного достоинства проговорила она. — Хотите, я расскажу, как вы провели сегодняшней день, — с самого утра и до момента вашей встречи с Гласиа. Хотите?

Петрович, попытался вспомнить, как он провел утро до того времени, когда отправился в издательство. И не смог. Собственно, это было обычное утро — утро одинокого, пожилого человека: он принял душ, побрился, принял лекарство, потом что-то ел, что-то пил, читал что-то (наверное, так — так было каждое утро), но самих этих дел, мелких и заурядных, он совсем не помнил,

они не проявлялись в виде привычной череды картинок у него в голове, скорее всего, благодаря своей обыденности. Поняв это, он сразу успокоился: диагноз был ясен. Ее диагноз, да и его тоже.

— Попробуйте, — пожал он плечами.

— Что ж, извольте, — она усмехнулась отчего-то. — Вы проснулись в четыре-пятнадцать — час быка, так сказать. Вам не спалось. Вы сходили в туалет, выпили горошинку корвалмента, потом принялись за Кьеркегора...

— Ну да, он меня успокаивает — корвалмент в смысле, — признался Петрович... и вдруг почувствовал, как волосы дыбом встали у него на голове: — Но откуда вы это знаете? Откуда вы знаете про корвалмент, про Кьеркегора?! — он в ужасе посмотрел на собеседницу, которая, подняв свой бокал, отсалютовала ему:

— Ваше здоровье! Мне кажется, согласно Кьеркегора, вы эстетик, не так ли? — Он молча смотрел на нее. Глаза его были расширены, как у человека, впавшего в глубокий транс. Она поняла, что с Кьеркегором несколько переборщила. — Давайте я попытаюсь объяснить, откуда это знаю, а вы постараетесь мне поверить. Договорились?

Петрович кивнул. Говорить у него всё еще не получалось.

— Мое полное имя Ананке... Надеюсь, оно

тебе известно. — Назвав себя, подруга Зевса, дочь Афродиты Урании, она не могла говорить со смертным на «вы».

— Богиня судьбы, воплощение рока, — проговорил Петрович голосом пророка Даниила¹, расшифровывающего таинственную надпись, проявившуюся на стене во дворце Валтасара. Отныне ничто не могло удивить его. — Где же твое веретено?

Конечно, ему хорошо было известно ее имя, даже все ее имена — сама Неизбежность, Предопределенность, Необходимость находилась перед ним. Между колен ее, как уверяли древние греки, вращается веретено, служащее мировой осью. Три дочери, рожденные от Зевса, помогают ей поддерживать мировой порядок: Клото — прядущая нить жизни; Лахесис — определяющая судьбу человека; Атропо — перерезающая нить. Ну да, как же он сразу-то не догадался: Кло, Лахе, Атро — как он не догадался, кто они такие, хотя бы по их сокращенным именам?! Как не догадался, что они — это Мойры, каждая поющая о своем: Кло — о настоящем, Лахесис — о прошлом, Атро — о будущем — вот о чем были их арии!

---

¹ Библейский пророк, истолковавший надпись «мене, текел, упарсин», начертанную на стене во время пира вавилонского царя Валтасара.

— Веретено? Только мужчины никогда не расстаются со своим веретеном, — хмыкнула Ана. — А ты, не расстающийся с бутылкой, налей-ка нам еще по фиалу шамбертена! Я так рада, что закончился этот неприятный разговор.

— Чем же он тебе-то неприятен? — удивился Петрович. Недолго посомневавшись, он решил обращаться к богине на «ты». И правда, к любому божеству, даже к тому, что едино в трех лицах, никогда не обращаются во множественном числе — может, затем, чтобы они, требующие поклонения, не сомневались в своей уникальности? — Вот для меня — это да, настоящая неприятность. Представь: ни с того ни с сего узнать, что, оказав помощь женщине, попавшей в беду, ты перебежал дорогу самому черту рогатому, и потому оказался в полном дерьме... Нет, такое могло случиться только со мной!

Петрович давно столько не пил. Честно говоря, он уже порядком набрался. Вино и правда было хорошим, оно опьяняло незаметно, и он почувствовал вдруг, что готов расхохотаться над своей неудачей, — теперь она показалась ему обычной неприятностью, к встречам с которыми он давно привык. Что ж, ради подобного эффекта стоило набраться, решил он. Да и выпить с богиней судьбы, что ни говори, — мероприятие не рядовое. Тем более, что богиня ему явно благоволила:

— А что тебя, собственно, не устраивает? — промурлыкала она. Вино, похоже, подействовало и на нее. — Ты — в моем доме, под моей защитой. Пьяный, сытый... — Она протянула к нему руки: — Иди ко мне, приляг здесь, возложи голову мне на колени...

Петрович безропотно перебрался на ее козетку; она обняла его, прижала голову к своей груди, он услышал, как часто бьется ее сердце...

— Послушай, — вдруг прошептала она ему на ухо, — если тебе когда-нибудь станет плохо, так плохо, что ты готов будешь умереть... в самом деле умереть, понимаешь... тогда вспомни обо мне и скажи тихонько... мысленно скажи: «мене, текел, перес»... запомнил?

Петрович кивнул:

— С детства помню. С тех пор, как «Графа Монте-Кристо» прочитал, — сказал он и, вспомнив ту пору, зарыдал отчего-то — зарыдал, вместо того чтобы расхохотаться...

Рыдал он долго, взхлеб, всхлипывая как ребенок. Она молча гладила его по голове, иногда легко касаясь губами лба, покачивая его даже и напевая что-то непонятное, наверное на греческом или, скорее, древнегреческом — койне каком-нибудь, — но такое грустное, что успокоиться под эти звуки было совершенно невозможно. А потом, когда она кончила петь,

Петрович заговорил — он начал рассказывать о своей жизни, о том, отчего и о чем плакал. Навряд ли стоит приводить весь его рассказ, в целом он не интересен — не интересен, как и жизнь большинства людей. Впрочем, вот — только примера ради — некоторые обрывки его рассказа... Впервые он столкнулся с несправедливостью лет в пять: у него украли велик, маленький детский велик. Он очень хорошо помнит ощущение горя, испытанное им тогда. Подобных воспоминаний о пропавших «ценностях» (собственноручно сделанный деревянный пистолет; линза, с помощью которой на дереве выжигались рисунки; свисток, используемый в качестве судейского или милицейского в зависимости от того, во что играли — в футбол или в «казаки-разбойники», и т. д. и т. п.) набралось удивительно много — в основном, потому, наверное, что Ана не торопила его закончить мартиролог утерянных вещей, а наоборот поощряла к продолжению своими вопросами и уточнениями. Еще перечислялись неприятности: расквашенный в драке нос, рассеченная камнем бровь, шрам, навсегда оставшийся на коленке, размолвка с другом. Дальше больше: первая двойка и первая любовь — естественно безответная — в первом классе; потом снова безответная любовь — и в третьем, и в четвертом, — а в пятом — опять-таки безответная, — ну что тут скажешь? Не

поступил в университет, поступить в который не собирался, потом не поступил туда, куда хотел бы, зато поступил, куда желал отец — и это, сбывшееся, было хуже всего. Влюбился на первом курсе — все начиналось красиво, многообещающе, но затем что-то пошло не так — и снова результат тот же, что в первом классе. Потом начались театральные романы, опера, оперетта, драмы с обещаниями и абортами и всё такое. Далее — «Красный экскаватор», попытка жениться по любви, однако оказалось, любви-то как раз и не было. Еще одна попытка жениться — по расчету на сей раз, — но расчет получился чуть-чуть не точным, браку не суждено было состояться — и это оказалось единственным счастливым событием в его жизни. Неужели так?... Когда-то ему, достаточно поверхностно знакомому с историей, казалось необыкновенным везением, что он относится к поколению, прожившему без войны (хотя это и не правда — ведь был Афган, Ангола, «неизвестные войны» в конце концов). Неужели так, думал он еще недавно, неужели мне повезло хоть в этом? Не тут-то было. Произошла революция — Майдан, а потом война, интервенция, всё, как всегда, но, слава богу, лично его это опять-таки не задело... Не задело? Могут ли кого-либо не задеть такие потрясения в стране, где насчитывается более миллиона беженцев? До разрухи еще далеко

конечно, но, что ни говори, жить стало заметно хуже. У Петровича, правда, имелись кое-какие сбережения, и ему удалось даже сохранить их (тьфу, тьфу, тьфу, конечно), несмотря на инфляцию, несмотря на то, что банки в стране лопаются, как воздушные шарики в руках у разшалившихся пацанов — у правительства то есть. И тарифы, черт их дери, так подскочили, что слов нет (есть, вернее, но все неприличные), а про цены уж и говорить не приходится (лучше не говорить, чтобы еще и давление, не дай бог, не подскочило). Да, вот еще проблема — со здоровьем, которое, конечно, не улучшается — но это нормально, на то она и есть, старость, а что ненормально, так это заоблачные цены на лекарства — вот это ненормально так ненормально!..

— У нас проблемы со здоровьем? — встрепенулась Ана. — Так это же пара пустяков. Сейчас мы тебя подлечим.

— Может быть, хватит? — сработал наконец инстинкт самосохранения у Петровича.

— Ну-ка поднимайся с моих колен, вытри нос и запомни: шамбертен — лучшее лекарство от старости и болезней!

Он не сомневается в этом, заверил богиню Петрович и, подкрутив ус, лихо опрокинул в себя полный бокал шамбертена — ну точно гвардеец Наполеона. После этого он умер — так ему

показалось по крайней мере, потому что сразу вслед за тем очутился он на Елисейских полях, то есть в Элизиуме, в древнегреческом раю, где появились обнаженные девушки и, танцуя, начали раздевать его, готовя, видимо, к райским наслаждениям. Петрович, не будучи верующим, для порядка посопротивлялся — придерживая брюки, трусы, прикрывая чресла, — но не слишком, чтобы не обидеть девушек ненароком, а потом сдался, расслабился, с удовольствием отдавшись в их быстрые, ласковые руки, и они подняли его и понесли куда-то бережно и торжественно, точно кумир для совершения сакрального обряда. Обрядом оказалось омовение в бассейне в окружении десятка резвящихся красавиц, массаж, притирания, поглощение настоев и настоек, посещение римской парной, потом снова бассейн, опять массаж, снова настои и снова... а потом он уснул — и сном были райские наслаждения...

* * *

Он проснулся от ощущения, что в постели, рядом с ним, кто-то есть. Это было слишком необычное ощущение, чтобы сознание Петровича, пусть даже в условиях глубокого сна и, вероятно, последствий не менее глубокого опьянения, оставило его без внимания и не отправило сигнал в

соответствующий отдел центральной нервной системы для немедленного пробуждения.

Проснувшись в абсолютной темноте, ничего еще не вспомнив, он инстинктивно прислушался — и правда, услышал рядом с собой чье-то посапывание. Такого с ним не случилось уже лет сорок. Он всегда предпочитал спать один. Редкие нарушения этого правила были связаны с упоминавшимися выше матримониальными намерениями, а потому теперь ассоциировались им в качестве опыта негативного. Кто же это мог быть? Он осторожно, чтобы не разбудить человека, оказавшегося рядом, протянул руку и, наткнувшись на что-то мягкое, теплое, упругое, мгновенно определил, что это часть женского тела. Впрочем, мысль о том, что посапывание — легкое и безмятежное — может принадлежать мужчине, он даже не рассматривал. И все же, кто это мог быть? Воспоминания про очаровательных обитательниц Элизиума, сакральные обряды и последующие райские наслаждения давали представление о числе претенденток на место в его постели, но абсолютно не указывали на ее личность. Кстати, голова его, хоть и не содержала данных по поводу соседки, была удивительно ясной, будто он и не выпил литра полтора шамбертена, а перед тем еще несколько бокалов вина, — доза для него просто смертельная, исходя из сегодняшних возможностей. Да и общее

состояние организма несколько не соответствовало этой дозе — наоборот, было полное впечатление, что каждый из литров и миллилитров выпитого пошел ему исключительно на пользу, придав ощущение необычайной силы и способности свернуть горы, если потребуется. И действительно: ночью он их сворачивал — теперь он был уверен в этом (но с кем, хоть убей, не мог вспомнить). Да, он испытал потрясающее впечатление от собственного тела, когда, проснувшись, почувствовал себя полностью здоровым, то есть у него нигде ничего не болело, а дышалось так легко и радостно, как, наверное, бывало в молодости. Вот с этим чувством — как в молодости — он и заснул снова...

Проснувшись опять (часа через три, должно быть, согласно его ощущений), он первым делом прислушался: дыхания рядом не было; тогда он протянул руку и понял, что соседнее место в постели освободилось. Только после этого он решился повернуть голову, чтобы убедиться: незнакомка, разделившая с ним постель этой ночью, покинула ее, оставив лишь смятую подушку как напоминание о себе, а на ней — темный волос, изогнувшийся в виде знака вопроса. И вмятина на подушке, и знак вопроса хорошо были видны в сумраке, уже разбавленном жиденькой белой краской тумана, разлившегося в воздухе спальни, а значит, подумал Петрович, согласно понятиям

этого дома, наступил день и значит, хочешь не хочешь, пора вставать. Поднявшись с кровати, он, голый — бледное пятно, утопленник в темной воде омута утреннего света, — покрутил головой, желая отыскать свою одежду или что-нибудь подходящее для прикрытия наготы. Одежды не нашлось, зато обнаружили почти новые сандалии его размера — они стояли у кровати, терпеливо ожидая хозяина. Он обмотался простыней, обул сандалии и прошелся по комнате — размахивая руками, выпячивая грудь, выбрасывая ноги в сторону, — чтобы понять, насколько надежен его наряд. Он чувствовал себя, как никогда, прекрасно — вот почему танцующей походкой подошел он к постели, снял волос с подушки и тщательно обследовал его. Петровича интересовал цвет, длина и даже запах волоса. Потом он приник к подушке, на которой провела ночь незнакомка; глубоко втянув в себя воздух, он не почувствовал привычного головокружения — лишь томящий запах женщины, такой же, как у волоса, запах, напоминающий аромат раздавленной земляники.

Он открыл дверь спальни, вышел в неизвестность — и столкнулся с женщиной, как машина с машиной на перекрестке в густом тумане. Инстинктивно обнявшись, чтобы поддержать друг друга, они оказались лицами на расстоянии поцелуя, и конечно, он узнал женщину — это была

Кло.

— Ну и движение тут у вас, — сострил он, раздумывая, не поцеловать ли ее в самом деле. Не решившись на поцелуй, он принялся к запаху ее волос. Они пахли скорее прелыми листьями, нежели земляникой.

— Смотреть надо, — беззлобно ответила Кло, отстраняясь от него.

— Да как же смотреть, когда тут темнота хоть глаз выколи?

— Тут свет везде. Ты что не видишь? — она указала на серую краску, разлитую в воздухе, на клубящиеся облака тумана, на мерцающие разноцветные звездочки, неизвестно что сулящие Петровичу.

— Ну ладно, раз уж ты оказалась на моем пути... объясни мне, где тут у вас что. Мне хотелось бы принять душ и, конечно же, найти одежду. Не могу понять, куда она подевалась?

— Одежду отправили в подвал, — пожалала она плечами — как будто в этом доме лишать гостя одежды подразумевалось само собой.

Петрович в недоумении посмотрел на нее:

— В подвал? Почему в подвал?

— Там архив. Все ненужное сдается в архив.

Ненужное? Ну да — он вспомнил разговор с Аной, — она ведь говорила, что теперь ему нельзя покидать их дом.

— Послушай, я как-то по-дурацки чувствую себя в этой простыне.

— Представь себе, что это не простыня, а тога.

— Ну да, я уже представлял. Пусть тога. Но я все равно по-дурацки выгляжу. К тоге надо привыкать, наверное, с полвека.

— Вовсе не по-дурацки. Ты отлично выглядишь. Взгляни на себя в зеркало. Честно говоря, я не ожидала такого результата. — Она приподняла руку и кончиками пальцев провела по его щеке.

Его удивил этот чересчур ласковый для полужнакомой девчонки жест.

— Ты права, мне нужно побриться, — пробормотал он. — Где бы найти зеркало?... Хотя как побреешься без станка?

— Не надо бриться. Тебе очень подойдет борода, — взглядом ценителя она окинула фигуру Петровича.

— Я старый уже. Найди себе кого помоложе, — отшутился он.

— Глупый, я намного старше тебя. Если хочешь знать, на моих глазах строилась пирамида Хеопса. В молодости я много времени провела в Египте.

— Ого! — удивился Петрович. Хотя что странного, если она — Клото, дочь Ананке.

— Что касается ду́ша и всего остального... Видишь огоньки: красные, зеленые, желтые, — их много, в разных комбинациях. Это как надписи. Ты скоро научишься их понимать. Вон смотри: пять синих — твоя спальня, три красные — душ; одна — туалет; три зеленые вдалеке — это столовая. Я бы с удовольствием приняла душ вместе с тобой. Только сейчас меня ждет мама. А ты прímешь душ — и иди в столовую. Я буду тебя там ждать.

(Значит, она будет его ждать!..)

Душевая (три красные звездочки) оказалась комфортабельным помещением, напоминающим холл пятизвездочной гостиницы — с отделкой из черного мрамора и хромированного металла, с множеством живых цветов, пальм и трехметровым крокодиллом в бассейне. Разумеется, тут были самые разные душевые и тренажерные устройства (о функциях которых Петрович не мог догадаться даже со своим «высшим техническим»), лежаки и лежанки, стульчики и стульчаки, кожаные кресла и диваны, но главное, тут было светло, никакого тумана и много зеркал в полный рост — к одному из них он и направился.

Чем ближе он подходил к зеркалу, тем больше ему казалось, что шаг за шагом он сближается с незнакомцем, идущим ему навстречу. Вначале — метров за двадцать до зеркальной стены — он подумал (не без юмора конечно), что отраженная

фигура напоминает древнеримского патриция, направляющегося в Капитолий на заседание сената; затем, приблизившись еще метров на пять, решил, что отраженный человек выглядит чересчур атлетично; потом заметил, что он слишком молод, неправдоподобно темноволос, и наконец, подойдя вплотную, понял: это не зеркало и вовсе не отражение, а какой-то фокус, проделываемый кем-то с неизвестной целью...

Петрович долго смотрел на человека, стоящего напротив, и никак не мог понять, кого видит. Затем процесс пошел в противоположном направлении: постепенно он начал узнавать в отражении себя, но в молодости — как будто по мере приближения к зеркалу его отражение непрерывно «фотошопили», то есть убирали морщины на лице, добавляли объем щек и румянец на них, прибавляли блеску в глазах, глянца на натянувшейся, приобретшей живой цвет коже — и вот получилось то, что он теперь видел и с трудом узнавал.

Петрович сбросил с себя простыню и, не спуская глаз с отражения, попятился от зеркала...

— Ну что, нравится? — услышал он голос Кло. Она стояла у входа, скрестив ноги, прислонясь к стене плечом.

— Как это они сделали? — прошептал он.
Но Кло услышала его вопрос.

— Это не так сложно. Главное, ты снова молодой, — сказала она, оттолкнувшись от стены и направляясь к нему. Пальцы ее нетерпеливо теребили пояс туники.

— Ты хочешь сказать, что это не краска, а мой натуральный цвет теперь? — он провел рукой по волосам. Даже на ощупь они стали намного пышней и гуще.

— Надеюсь, ты не сомневаешься, что твои мышцы натуральные, а не силиконовая подделка? — она провела ладонью одной руки по его прессу, рельефом и твердостью напоминаящему стиральную доску, а другой — распустила-таки узелок своего пояса.

Ему не оставалось ничего иного, как одну за другой расстегнуть золотые фибулы на ее плечах. Туника тотчас упала к ее ногам.

— Такие же натуральные, как и эта грудь? — потрясенно спросил он.

* * *

Следующая неделя прошла как в тумане (он определял количество дней по совместным трапезам — когда собирались впятером, что происходило ежедневно, в обязательном порядке).

Утро всегда начиналось с посещения Кло — она появлялась в дверях с нервным смешком, со

счастливым выражением лица, а потом, взвизгнув — как в холодную воду, — ныряла к нему под одеяло и требовала немедленно ее согреть. Взвизги продолжались, даже когда становилось жарко, — когда их тела, все в поту, так легко и увлеченно скользили друг по другу, будто в этом скольжении и состоял смысл жизни. Он просил ее умерить «силу звука», но она, нисколько не умерив, шептала в промежутках между взвизгами, что умрет, если умерит, и что все равно в этом доме ничего не скроешь — все равно всем всё известно.

Что всё известно, он понял в тот же день — день их совместного душа, — когда, несколько часов спустя, при рассаживании за столом для общей трапезы, он оказался соседом Кло, а не Ананке, как это было накануне. Все остальные — Лахе, Ана и Атро — сели напротив них, с Аной в центре, что, казалось, было «домашней заготовкой», — но не для того, чтобы поглазеть на «влюбленных голубков», а чтобы поближе пообщаться между собой. Они и общались — так же легко и непринужденно, как три сестры накануне. При этом ели, как обычно, — то есть, несмотря на изобилие и разнообразие пищи, почти ничего, зато в вине себе не отказывали. И совершенно не обращали внимания на «голубков». Если же говорить про нашу парочку, то непринужденно в ней чувствовала себя лишь Кло, а

Петрович смущался отчего-то — не оттого ли, что подозревал в ком-то из троицы напротив свою ночную партнершу?...

Ну вот. Отметившись утром (но, кто знает, — это вполне могла быть и ночь), Кло убегала, чтобы «поработать», хотя иногда работала и в постели, когда утомленный утренними трудами Петрович засыпал. Работа заключалась в следующем (Петрович наблюдал это сквозь прищуренные веки): подняв руку к одному из облаков, никогда не покидающих воздушное пространство квартиры (облако в ответ начинало волноваться и переливаться всеми цветами радуги — что было похоже на пса, который, завидев хозяина, автоматически начинает вилять хвостом), она извлекала из его клубящихся глубин, точно из распоротого рыбьего живота, нечто похожее на клубок ниток, а затем начинала сматывать на него нить, тянущуюся из облака, внимательно вглядываясь при этом в пространство перед собой, шепча что-то себе под нос, посмеиваясь между делом, а то и отпуская проклятия в чей-то адрес. При этом Петровича не покидало давно зародившееся подозрение, что все они тут — чокнутые.

— Ну-ка объясни мне, чем это ты занимаешься? — в конце концов поинтересовался он, будто проснувшись только что.

— Шпион! — засмеялась Кло. — Мне известно, что ты подглядывал. Ты, наверно, забыл, кто я такая. Меня невозможно провести. Я знаю о каждом твоём шаге. Так что не пытайся крутить шашни с моими сестрами!

— Ага, призналась! Я так и думал, что наше столкновение ты подстроила. Оно не могло состояться помимо твоей воли, потому что случайности не может быть там, где главенствует предопределенность.

Кло вдруг стала серьезной.

— Это правда, Тихе² нет места в нашем доме, — сказала она. — На самом деле эта девчонка — самозванка. Но не все так просто, как представляется тебе. Предопределить, то есть рассчитать со стопроцентной вероятностью наше столкновение с тобой, не смогла бы даже Ананке. Предвидеть мелкие события практически невозможно. Слишком много других событий могут повлиять на него. Ты бы чихнул, споткнулся, задержался на секунду — и всё: я уже прошла мимо, мы не столкнулись — то есть планируемое событие не случилось бы. Другое дело, событие крупное. Допустим, если бы я планировала начать

---

² В древнегреческой мифологии божество случая, богиня удачи и судьбы. Она символизирует изменчивость мира, его неустойчивость и случайность.

войну между двумя государствами в назначенный день и час, то так оно и свершилось бы — и никакая случайность, никакая Тихе не смогла бы мне помешать.

— Что же случилось между вами и Тихе?

— Случайность не может быть судьбой, вот почему мы считаем Тихе самозванкой. Но если тебя интересует, что именно случилось между нами, то тебе следует поинтересоваться у Лахе. Это она у нас занимается прошлым.

— Ну вот, сначала ты запрещаешь мне крутить шашни с сестрами, а теперь толкаешь меня в объятия Лахе, — решил поддразнить подругу Петрович. Он-то знал, что, как только прозрачную поверхность источника любовных отношений начинает затягивать ряска рутины, повседневности, обыденности, не мешает поднять легкую волну камушком ревности, брошенным как бы невзначай в его безмятежные глубины. Знала ли это Кло?

— Никто не может жить только настоящим. Каждый в конце концов обязан задуматься о прошлом. Хотя бы для того, чтобы лучше понять свое настоящее, — философски заметила Кло. Петровичу как любителю старины с ней трудно было не согласиться.

— Но ты ушла от ответа! — уличил он подругу в неискренности. — Я ведь просил объяснить мне, чем ты занимаешься. А ты вместо

ответа обвиняешь меня в несуществующих грехах.

— Ладно. Нет никакого смысла что-либо скрывать от тебя. — Она поднесла к его глазам раскрытую ладонь с клубком ниток. — Это — не что иное, как человеческая жизнь. Она записана на этой нити. Тут каждый вздох, каждое возникшее или подавленное желание, каждый поступок — пусть даже не совершённый, а только планируемый человеком. Сколько людей, столько и клубков — все они хранятся в подвале. Я обязана следить за качеством записи, чтобы она шла непрерывно. Знаешь, иногда люди умудряются фальсифицировать даже собственную жизнь. Что ж, это их дело, а мое — обеспечить подлинность записи, сделанной на этой нити.

Петрович с уважением посмотрел на нее:

— Это сколько же работы, подумать страшно: семь миллиардов клубков! Когда только ты успеваешь с ними разобраться?

— Я вмешиваюсь только в исключительных случаях. Предварительная обработка клубков происходит, в основном, в автоматическом режиме. Эта операция осуществляется в подвале.

— Ага! Тогда Расскажи мне о подвале.

— О подвале? Считай, что это — обыкновенный архив. И работа там полностью соответствует архивной. Я там, кстати, никогда не бывала. Да и не хотела бы. Так как для того, чтобы

туда попасть, надо связываться с Ароном. А это очень неприятная личность.

— Мне тоже так показалось в лифте... А не Харон³ ли его настоящее имя?

— Его и в самом деле так звали когда-то, очень давно. Но мне больше ничего об этом не известно.

— А где же тогда его пес Цербер?

— На самом деле, Цербер и Арон — это одно и то же.

— Не может быть. Арон, возможно, и неприятный тип, но не настолько же.

— Вот если бы ты вздумал бежать отсюда, то сразу бы понял свою ошибку.

— Ты хочешь сказать, что выйти отсюда так же трудно, как из Аида?

— Не хочется тебя пугать, но это именно так.

Петрович присвистнул и надолго задумался.

— Но вы-то выходите, — наконец сказал он.

— Мы — никогда. Иногда на землю выбирается мама. Об этом надо заранее предупреждать Арона. В оговоренный срок он подает лифт и одежду для выхода на улицу.

---

³ В греческой мифологии — перевозчик душ умерших через реку Стикс или Ахерон в Аид (подземное царство мертвых, выход из которого охранял трехголовый пес Цербер).

— Одежду из той, что сдали в архив как ненужную?

— Я никогда не интересовалась подобными мелочами, — помотала головой Кло. — Возможно, у мамы там свой гардероб.

— Вряд ли, — сказал Петрович, вспомнив непрезентабельный наряд богини, в котором он увидел ее на Стретенской...

Болтать, не покидая постель, они могли целый день, вплоть до начала общей трапезы. Там же, в постели, они пробовали другие развлечения, например карты. После, наверно, двух десятков проигранных партий в «дурака» он в отчаянии бросил колоду, вместо того, чтобы сдавать в очередной раз.

— Как я сразу не догадался?! Ведь с тобой нельзя играть в карты!

— Почему ты так думаешь? — не скрывая любопытства, поинтересовалась она.

— Потому что тебе известны всё, что у меня на руках. Ведь о настоящем от тебя ничего не скроешь. Какой смысл тогда играть? Разве такая игра может доставлять удовольствие?

— Я тебе объясняла, что мелкие события предугадать практически невозможно. Поэтому твоих карт я не знаю.

— Хм. Тогда почему ты все время выигрываешь?

Ее глаза блеснули. Она взмахнула рукой, и «облако» вспыхнуло, залив спальню ярким светом.

— Потому что я мухлюю лучше тебя, глупый. — Она откинула в сторону одеяло. На животе у нее, выше выстриженной «пики», лежало несколько карт разных мастей.

Они с Кло расхохотались так громко, что их смех, вероятно, слышал Арон в своем подвале.

Тем не менее играть в карты Петровичу больше не хотелось. Тогда Кло начала устраивать просмотры телепрограмм с помощью все того же «облака». Что ж, Петрович с удовольствием смотрел футбол, особенно английскую Премьер-лигу. Кло обожала «Все буде добре», но и футбол не оставляла без внимания, параллельно занимаясь своей бесконечной «пряжей». Больше всего, однако, ее интересовали новости. С болезненным каким-то любопытством она всматривалась в сцены насилия, занимавшие основное время новостных каналов. Ничего в этом мире не меняется, заключала она. Так переключи на что-нибудь другое, вздыхал Петрович. Как тебе не надоедает? Тысячи лет одно и то же!

— Неужели тебе не интересно, что происходит в мире? Ведь это же ваш Майдан, — поинтересовалась однажды Кло.

— Ты же сама говорила, что в мире ничего не меняется. Тогда к чему это?

— По правде говоря, я сказала не подумав. Вот — не было же когда-то телевидения, а теперь есть. Не знаю только, хорошо это или плохо. Скорее всего, телевизор — это изобретение дьявола. Как и те страсти, — войны, теракты, грабежи, убийства, — которые беспрерывно показывают с его помощью, тиражируя их и тем самым вербуя новых сторонников темных сил...

— О! Все забываю спросить... А что это произошло у Ананке с этим Гласиа? Зачем губернатору преисподней(!) потребовалась ее сумка?

— А тебе-то зачем это знать? Может, лучше поиграем во что-нибудь, в кости например? Или в нарды?

— Послушай, меня уже тошнит от всех этих игр. И меня совершенно не интересует, нарушаешь ли ты законы теории вероятности каким-то образом, или опять мухлюешь. Просто я хочу знать — знать со стопроцентной точностью, — как это всё случилось с Гласиа, и почему, черт возьми, я оказался в заточении в этом доме.

— Что?... Ты сказал со стопроцентной точностью? — Кло надолго замолчала. Она выглядела очень расстроенной, если не сказать — потрясенной. Казалось, она вот-вот разрыдается. — ИСЧИСЛИЛ БОГ ЦАРСТВО ТВОЕ И ПОЛОЖИЛ КОНЕЦ ЕМУ, — вдруг быстро проговорила она. —

Я ведь просила не спрашивать о прошлом. Но если не можешь... — она разочарованно развела руками, — если ты не можешь иначе... пусть будет по-твоему...

По окончании трапезы, которая, как показалось Петровичу, на этот раз проходила довольно скучно — без смеха и увлеченных разговоров, — он шел, раздумывая, чем бы заняться дальше. Ему было понятно, что надеяться на появление Кло в его апартаментах в ближайшее время не приходится, и совершенно не понятно — какая кошка пробежала между ними. А жаль: ведь он так привык к ее присутствию и, более того — покровительству, жизненно необходимому в абсолютно непостижимом мире этого дома. Да и всё остальное выглядело достаточно мрачно. Он подумал вдруг, что попал в полную зависимость от расположения нескольких дам, обладающих вздорным, совершенно непредсказуемым характером. К тому же он все еще сомневался в их психической состоятельности: а ну как здесь филиал Павловской больницы? — и кстати, на то очень похоже. Ведь если бы не атмосфера этой квартиры (в которой, согласитесь, трудно было не сойти с ума): постоянная полутьма, бесконечные коридоры, полное безмолвие, облака тумана, — как бы он воспринял при солнечном свете, на свежем воздухе их откровения по поводу своей

божественной сути, как бы воспринял рассказ о двадцать пятом духе, губернаторе преисподней Гласиа Лаболасе? Да, как? — без всякого сомнения, послал бы их куда подальше, подумал он. Вот и выходит, что надо немедленно предпринимать меры для побега, если, конечно, они, эти фурии, эти мойры, эти эринии, сами не отпустят его на волю.

Одна из «фурий» шла ему навстречу. Сначала Петровичу показалось, что это Ана — такая же статная,двигающаяся уверенным, широким шагом фигура в белом пеплосе. (Он успел трусливо подумать, не устроит ли она ему разнос за то, что обидел дочку, и начал было подыскивать оправдания, но понял, что это — похожая на мать Лахесис.) Вот сейчас спрошу ее, как мне отсюда выйти, решил он. Они сблизилась, коротко взглянули друг на друга — и прошли мимо, точно незнакомые люди в плохо освещенном переулке. Спрошу как-нибудь попозже, подумал Петрович.

— Постой, — раздался за спиной ее голос. Он обернулся. — Ты правда интересуешься прошлым? — теперь, будто узнав в прохожем знаменитость, Лахе рассматривала Петровича с нескрываемым интересом.

— Действительно, множество любопытных вещей свершилось в прошлом. И мне бы хотелось найти ответы на несколько вопросов относительно некоторых из них. — Он подошел к ней; она была

высокой, почти одного с ним роста. От ее черных как смоль волос исходил запах осеннего костра, доносящийся издалека. Немного тревожный запах.

Лахе пожала плечами:

— Не знаю, возможно, я и смогу тебе помочь. Ладно, идем ко мне. — Не ожидая ответа, она повернулась и уверенным, широким шагом продолжила свой путь.

Ее комната оказалась похожей на библиотечный зал. Книжные полки вдоль стен терялись в облачной высоте и в туманной глубине помещения. Петрович с любопытством оглядел ближайшие из них — названия большинства фолиантов были непонятны, не то что неизвестны, ему. «Clavicula Salomonis», «Liber Juratus Honorii», «Arbatel De Magia Veterum», «Tabula smaragdina», «Malleus Maleficarum» — эти вроде как на латыни: что-то про Соломона, магию, ведьм — но были еще полки с инкунабулами по-гречески, на санскрите (уж не «Махабхарата» ли?), на древнекитайском (шангу ханьюй, что ли?) и на библейском иврите (ну а это что — «Кумранские рукописи»?). Еще были полки со свитками — бумажными, кожаными, берестяными, папирусными, — с глиняными табличками, с клинописными надписями на камнях — тут уж вообще ничего понять было невозможно. Еще в стеклянных витринах полно было самых разнообразных весов: старинных на вид и

современных — вроде только что снятых прямо с магазинного прилавка, самых простых рычажных и сложных агрегатов, разобраться в устройстве которых без описания было невозможно. Петрович оглянулся. Положив ногу на ногу, Лахе удобно устроилась на диване у низкого столика красного дерева под большим, светлым торшером. И конечно, на столике стояла бутылка шамбертена, виноград, фрукты и всё такое...

— Здесь ответы на все твои вопросы, — улыбнулась она, кивнув в сторону полка с книгами. Улыбка ее была открытой и чувственной, она сразу изменяла ее внешность, словно по волшебству превращая из синего чулка, записной стервочки, в очень даже симпатичную молодую женщину, дочь, во всех отношениях достойную своей матери. Он почувствовал даже, что не прочь припасть головой к ее коленям — пусть даже без шамбертена, — хотя еще следовало совершить церемонию предварительного обольщения, как ей того, похоже, очень хотелось.

— Не сомневаюсь. Но попробуй найди их среди множества этих книг... Ты что же, все прочитала?

— Ну что ты, зачем? Тут никакого времени не хватит. Мне и так всё известно о прошлом.

— И ты готова поделиться со мной частью своих знаний?

— А почему бы и нет? — Лахе окинула Петровича долгим взглядом. — Ты можешь сесть рядом со мной, — она ласково, точно голову любимой собаки, погладила кожаную подушку дивана, — и знаешь, я бы не отказалась от вина.

— А я-то думаю, зачем тут шамбертен? Тогда, пожалуй, и я выпью, если не возражаешь. — Он сел на диван — на некотором расстоянии от нее.

— Не возражаю, — улыбнулась она, придвигаясь к нему.

Петрович поднял свой бокал, пригубил вино. В этот раз он не намерен был напиться.

— Кло отчего-то отказывается говорить со мной о прошлом, — попытался он взять быка за рога.

— Кло — глупышка. Она живет исключительно настоящим. С ней можно говорить лишь о погоде, о ценах на золото, о моде наконец. Но не о серьезных вещах. Впрочем, ты и сам это знаешь не хуже меня. — Она осушила свой бокал. Сбежавшая воробьиная доза вина капелькой крови застыла на точеном подбородке. Протянув руку, Петрович осторожно снял дрожащую каплю и слизал с пальца. Лахе вздрогнула.

— Я вот о чем хотел спросить... Этот Гласиа Лаболас... из-за него я не могу покинуть ваш дом. Так вот: это ведь не простой грабитель — почему он охотился за сумкой Аны? Если не секрет

конечно, что в ней такого? — Он снова налил вина — по полному бокалу — и ей, и себе тоже. Лахе благодарно кивнула.

— От тебя у меня нет секретов, — сказала она, доверительно кладя руку на колено Петровича. Еще недавно это колено ныло по ночам от артроза, а теперь его призывно касается рука красавицы-богини, не мог не отметить он разительной перемены в своей жизни. — Гласиа Лаболас — демон и наш враг. Он служит темной силе, направленной против человека, против всех людей на земле. Ты ведь знаешь, что демоны враждуют не только с богами, но и с людьми?

Петрович поскреб затылок, пожал плечами:

— Конечно, я кое-что слышал об этом, — сказал он, чувствуя, как приятное головокружение овладевает им. А еще недавно при головокружении его охватывал страх, опять-таки не мог не отметить он, — теперь же головокружение — это предчувствие чуда, ощущение сбывающейся мечты. И этот сдвиг к лучшему следовало отметить: он снова наполнил бокалы — как обычно, чуть ли не до краёв.

— Ну вот, — сделав большой глоток, продолжила Лахе. — И ты знаешь, чем мы, боги, занимаемся здесь. Я уверена, Кло не могла тебя не просветить на этот счет.

— Кое что я слышал о богах и до встречи с

вами, с богами то есть, — признался Петрович. — Хотя, честно говоря, по жизни я атеист, но поддерживаю веру в единого бога.

— Должна признаться, я тоже атеистка. Хотя поддерживаю многобожие, — сказала Лахе. Похоже, что ее (с ее «многобожием») уже «повело». Петрович всегда с точностью гаишника ловил этот сакральный момент в поведении партнерши. — Но, главное все же, я атеистка. Нет, правда: на самом деле мы вовсе не боги — в том понимании, в котором это слово обычно рассматривают верующие. Ну там насчет поклонения, неограниченных возможностей и всё такое. Мы — тоже люди, но обладающие кое-какими дополнительными способностями, специально развитыми нами и получившими их с помощью технического прогресса. Мы — другая, более развитая цивилизация, живущая в других этических и пространственных координатах. На земле, как известно, всегда существовало несколько цивилизаций. Одни — более развитые, другие — менее, третьи — совсем не развитые. Отношения между развитыми и неразвитыми цивилизациями легко можно уподобить отношениям между нами, «богами», и земной цивилизацией в целом. Вы всегда что-то просите, мы даем или не даем — в зависимости от вашего поведения или от наших возможностей, вот, собственно, и все. Как Америка

и Украина, например.

— Ну нет. К американцам мы как к богам не относимся. Еще чего, — возмутился Петрович. — Я недавно читал в интернете про караваев. Это самое примитивное племя на земле, несколько лет назад обнаруженное в лесах Папуа-Новой Гвинеи. Они живут в шалашах на деревьях, что, по их мнению, защищает от колдунов. Так вот, если бы ты сказала «американцы и караваи», тогда это было бы похоже. Или даже украинцы и караваи — все равно было бы похоже, потому что цивилизационный разрыв между американцами и украинцами вообще незаметен в сравнении с разрывом между украинцами и караваями.

— Ну это тебе только кажется, — хмыкнула Лахе. — Налей-ка лучше еще... Короче, мы, «боги», присматриваем за человечеством, чтобы люди не наделали очень больших глупостей: чтобы не уничтожили себя в ядерном конфликте, чтобы не погубили Землю в экологической катастрофе и она не погибла в космическом или природном катаклизме. А у демонов, если говорить просто, — задача обратная, их цель — погубить человечество, причем, как им хотелось бы, — с помощью самоуничтожения, собственными силами людей. Почему так получилось, в чем корни противостояния между нами и демонами — особый вопрос, самый простой ответ на который: таковы

диалектика и следствие диалектического противоречия в природе. В общем, демоны всегда рядом с нами, всегда противостоят нам и, должна сказать, во много раз превосходят нас на земле численно, но, к счастью, не силой. И еще важно вот что понять: они и мы — мало отличаемся от вас биологически, зато в духовном отношении мы с ними — антиподы. Ну а среди вас есть люди разные: одни ближе к нам, другие к ним, — сам знаешь, сколько в вашем племени понамешано... В той сумочке, которую Гласиа у Аны хотел отнять, был компьютер. А в нем — все данные о нашей деятельности здесь, на Земле. Я думаю, он сам не знал, что содержалось в той сумочке. Иначе бы он объявился на Стретенской со всеми своими легионами, и компьютер оказался бы у него. Должна сказать, что больше всего от этого пострадали бы люди.

— Что же вы так легкомысленно относитесь к безопасности? Разве можно выносить на улицу компьютер с такой важной информацией!

— Ты прав, маман проявила неосторожность. На нее это непохоже. Хотя... кому как не ей верить в предопределенность. Думаю, она знала, что ничего непоправимого случиться не может. Такие вещи поддаются расчету. Хотя, конечно, никто не мог предположить, что в критический момент в ситуацию вмешается случайный прохожий, — ты

например. Вот этого уже не рассчитаешь ни на каком компьютере.

— Что ж, есть повод выпить за мое здоровье, — поднимая бокал, вздохнул Петрович...

Ночью они не спали. По крайней мере, когда «утренний туман» излился неярким светом на их ложе, они еще производили слабые совокупные движения, порожденные скорее упрямством, нежели остатками энтузиазма. Впрочем, наличие некоторых его остатков лучше всего свидетельствовало о колоссальных запасах энтузиазма в тот момент, когда Лахесис, вынув бокал из руки Петровича и поставив его на столик, медленно растянула фибулу на своем плече.

Да, Лахесис была удивительно неумоима, но еще больше Петровича поразило собственное поведение: третья партнерша за пару недель, в течение которых ни одна ночь не была упущена для любовных утех — совсем не плохо для седьмого десятка. Надо сказать, эта мысль радовала и беспокоила его все эти две недели. Причина радости была очевидна, причина беспокойства — тоже: человека всегда тревожит перспектива легко потерять то, что было без труда нажито или случайно найдено. С другой стороны, он неожиданно быстро привык к факту вновь обретенной молодости, сопровождающейся сладостными ощущениями железного здоровья,

уверенности в своих силах, неотвратимости наступления прекрасного будущего. А ведь еще две недели назад, просыпаясь, он испытывал прямо противоположные чувства.

Слегка встревожило и другое: его соседкой за столом общей трапезы прогнозируемо оказалась Лахесис, ну а Клото, в свою очередь, перебралась на ее место рядом с Аной. Петровича неприятно удивила неизбежность этой перестановки, доведенной до автоматизма: как будто место в его кровати по умолчанию соответствовало соседнему с ним месту за столом. Причина перестановки при этом, казалось, никого не интересовала — так бывает, когда подобное происходит чуть ли не каждый день. Кого интересует причина появления облаков? — никого: важно, как при этом меняется погода. А «погода» в доме не менялась: та же атмосфера загадочности, те же туманные разговоры, те же таинственные занятия обитательниц, те же девушки, подающие блюда в танце, те же клубящиеся «облака», хранящие клубки нитей, служащие источником освещения и непрерывно показывающие передачи сотен телеканалов.

Петрович спросил как-то у Лахе, почему дом наполняется обитателями лишь в часы трапезы. Она шла в свою лабораторию, в которой ежедневно проводила не менее шести часов, а он ее провожал.

Коридор был, как всегда, безлюден: полутьма, пухлые, слабо светящиеся облака; непонятные надписи, то и дело появляющиеся на стенах; разноцветные огоньки, мигающие над многочисленными дверями, и туман, возникающий как техническая ошибка и, как резинка, стирающий погрешности на картинке супермонитора.

— В другие часы все заняты своими делами, — неохотно ответила она.

— Какими же? — Петровичу и в самом деле интересно было знать, чем реально, а не в мифах занимаются богини судьбы в своем доме, в быту так сказать. (Тем более, что в мифах полностью отсутствует эта небезынтересная для каждого смертного сторона бытия представителей разных божественных профессий. Пожалуй, лишь Гомер описывал обе ипостаси небожителей — как занятых исполнением своего профессионального долга, так и в часы досуга.) До сих пор только наблюдения за Клото позволили ему составить свое мнение об этом. Тем не менее он так и не побывал в ее апартаментах. («А у меня их нет! — смеялась она. — Я предпочитаю жить в душе, рядом с моим крокодилом. Он мой самый большой и самый старый друг на земле. Мы с ним не расстанемся чуть ли не двести лет, представляешь!?!») Между тем Петровича многое интересовало. Например, поддерживают ли богини отношения со своим

отцом, то есть с Зевсом. Видятся ли с ним, разговаривают ли с ним в скайпе или переписываются по емайлу. И не нагрянет ли он, не дай бог, сюда. (Конечно он не муж Аны, но, кто знает, как поведет себя верховное божество, Громовержец, застав в квартире своей любовницы неизвестного мужчину, замотавшегося в простыню.) Петрович понимал, однако, раз они сами не рассказывают об этом, то и спрашивать не стоит, так как дело это чересчур деликатное, а повышенный интерес с его стороны может вызвать непонимание и неожиданную реакцию — с их.

— Я с тобой не намерена разговаривать о настоящем. Если тебе хочется, — можешь возвращаться к своей Клото. Думаю, ей уже надоело жить с крокодилем, и она с удовольствием вернется в твою постель.

— Ладно тебе, я вовсе не собирался разговаривать о настоящем. Просто, пока ты работаешь, я целыми днями брожу по дому и еще ни разу никого не встретил, — как видим, Петрович сделал вывод из своего неудачно закончившегося спора с Кло и старался не перечить Лахе.

— Я отлично помню, что мы тобой встретились в коридоре. Неужели ты об этом забыл?

— Нет конечно. И кстати, с Кло мы тоже «столкнулись» в коридоре. Думаю, и та и другая

встреча произошла не случайно.

— Что ты имеешь в виду?

— О господи, да ничего такого. Просто у вас здесь, насколько я понимаю, случайностям нет места. Во владениях Ананке всё должно быть предопределено, подчинено единой цели.

— Вздор, Клото должна была тебе объяснить, что всякие мелочи рассчитать невозможно. Это никому не по силам. — Петровичу показалось, что Лахе полностью удовлетворена глупостью собеседника, не усвоившего элементарные положения уроков сестры, доведенных отчего-то до ее, Лахе, сведения. — Но что за цель? Что ты имеешь в виду?

— Это вопрос из далекого прошлого, — счел нужным сделать предварительное пояснение Петрович. — У меня правило — лучше всего узнавать обо всем из первоисточника... Скажи, пожалуйста, с какой целью боги создали человека?

Лахе резко остановилась, повернула к нему озабоченное лицо. Подумав немного, ответила:

— Сейчас мне некогда. Встретимся за трапезой. Потом, у меня, я расскажу тебе всё, что об этом знаю.

— Собственно говоря, преднамеренно человека никто не создавал, — начала свой рассказ Лахе, расположившись на диване, в то время как Петрович, сидя в кресле напротив, занялся шамбертенном вприкуску с любимыми сырными таралетками. — Как известно, первых людей вылепил из глины Прометей в ходе эксперимента по созданию искусственного разума. Насчет глины я не уверена. А вот то, что это был Прометей, установила следственная комиссия, созданная для расследования результатов того эксперимента. Прометею хотелось придумать нечто вроде компьютера, обладающего свободой воли. Почему он наделил компьютер телом, созданным по нашему образу и подобию, я не знаю. Хотя догадаться не трудно: свобода воли подразумевает возможность действовать, а раз так — необходимо тело со всеми его частями и органами. А что тут было выдумывать, когда собственное тело верой и правдой уже служило ему несколько тысячелетий? Вот он и создал такое же, как у него, тело и вложил в него разум, то есть тот самый органический компьютер, который он придумал и который, надо сказать, тоже являлся подобием нашего мозга, правда очень слабым. Вот и все. Получившееся устройство он назвал «человеком», на что он как

автор, безусловно, имел право.

— И все?!

— И все.

— Откуда же тогда появилось человечество?

— Насколько я знаю, человечество возникло само по себе, в качестве непредвиденного результата эксперимента Прометея. По ошибке, что ли. Скорее даже, в связи с преступным легкомыслием экспериментатора — примерно так как-то... Оказалось, что у того, первого, человека не было никакой цели существования. Он сидел целыми днями и раздумывал о чем-то. Он не действовал, несмотря на свободу воли. Когда его спрашивали, в чем дело, он отвечал, что предпочитает думать. Ну и тут один «гений» предложил создать для первого человека пару и посмотреть, что из этого выйдет. «Пара» должна была представлять из себя полную противоположность параметрам первого человека, чтобы «заработала диалектика», — тот умник оказался философом, понимаешь ли. Ну вот: «и создал бог женщину»...

— Ага: *cherchez la femme*, значит.

— Точно. Создал одну, потом другую — усовершенствованный вариант, значит. Потом пошли дети, внуки. Люди оказались необычайно плодовитыми... Короче, не успели наши экспериментаторы оглянуться, как их окружила

толпа людей — шумных, неуживчивых, неблагодарных, капризных, непоседливых, неряшливых, требовательных, — желающих к тому же изменить весь мир в соответствии со своими неустойчивыми взглядами и неоправданно высокими потребностями. А боги привыкли жить на блистающих вершинах гор, среди бескрайних равнин, у голубых озер, возле быстрых рек или на морском берегу — в полном одиночестве, в тишине, в раздумьях, в отрешенности от мирской суеты, в гармонии с природой и между собой. Когда до них дошло, что результаты эксперимента нарушают привычный миропорядок и сложившийся жизненный уклад, они разгневались и сами начали действовать. Организовав следственную комиссию, они выяснили не только роль Прометея, но и других участников этой истории. Вероятность различных вариантов исхода эксперимента просчитывала Ананке. Ее ошибка заключалась в том, что она не учла влияния случайности на предопределенность...

— Тихе! Вот где она проявила себя!

— Ну да. Это Тихе познакомила Прометея с тем «философом», что предложил создать «пару» для первого человека. Между прочим, его звали Люцифер.

— Люцифер! — потрясенно произнес Петрович.

— Люцифер... — вздохнула Лахе. — В общем, приговор Ареопага был следующим. Боги отделили свой мир от людей, поселившись в другом измерении, названном Седьмым небом, — с тех пор они недоступны для человека. Ананке в наказание поручили контролировать человечество — чтобы люди не наделали глупостей и в дальнейшем не беспокоили богов, — я тебе уже рассказывала об этом. Прометею присудили лишение свободы сроком на тридцать тысяч лет. Правда, «отсидживать» срок до конца ему не пришлось. Он получил досрочное освобождение через несколько сот лет... Люцифера собирались наказать не менее сурово, но он сбежал, скрывшись в месте, где не распространяется действие божественного правосудия, названном им «преисподняя». В преисподней Люцифер собрал тысячи отщепенцев, всевозможных авантюристов и негодяев, которых объединяло одно отличие: все они были людьми, имеющими в качестве близкого родственника кого-либо из богов, а сами они называли себя демонами. Несмотря на то что никто из них не являлся законным наследником своего родителя, они обладали кое-какими сверхъестественными способностями, свойственными богам, а всем остальным трюкам и фокусам, способным поражать воображение людей, их обучил Люцифер. И вот с этим воинством он

начал завоевывать землю. Мы, конечно, не можем допустить установления власти дьявола над всей Землей, но, должна сказать, их силы велики и к тому же постоянно пополняются за счет ополченцев из числа людей. На церковь надежды мало, попы и сами поддаются влиянию дьявола: посмотри только, как они борются за собственность, на чем они ездят, что носят, как любят деньги — и все становится понятно.

— Почему же вы терпите это!? Ведь так не долго и поражение потерпеть!

Лахе усмехнулась — впрочем, как-то невесело:

— Почему *вы* терпите — вот что гораздо важнее... Что касается богов, то Олимп устраивает некое равновесие. Я слышала такое мнение, что, мол, человек должен не то чтобы свободно, но осознанно выбирать между Богом и дьяволом. Потому что без внутренней борьбы выбор будет формальным и такой верующий может легко стать вероотступником... Оять же диалектика, понимаешь ли.

Петрович скептически покачал головой:

— Людям хорошо известно: наверху всегда своя правда. Но тогда, что нам, простым людям, делать в такой ситуации? И каково это — жить под властью дьявола? Наверное, еще хуже, чем в фашистской оккупации. Как ты думаешь?

— Ошибаешься. Люцифер — умный и хитрый враг. Мне доводилось видеть целые страны, захваченные им. Поверь, подавляющему числу жителей нравится жить под его властью. Жить, подчиняясь дьяволу, достаточно легко и часто — весело, это ведь давно известно. Его идеи увлекательны, потому что просты. Над ними не задумываются, как не задумываются над таблицей умножения, — ее применяют, потому что она сильно облегчает жизнь. Да, жить под его властью легко: стоит лишь отказаться от лучших человеческих чувств и привычек и впустить вместо них низменные, грязные, гнусные — всегда хранящиеся в темных закоулках человеческой души. Надо расслабиться, влиться в толпу, стать ее частью. Научиться ходить в ногу и скандировать. При этом важно никогда не задумываться, над чем смеешься, за что ненавидишь, кто твои друзья и враги. Только и всего. Еще раз повторяю, у него множество сторонников, может быть даже большинство людей; они добровольно идут за ним — принимаящим разные имена и обличья, — совершенно искренне прославляя и фанатично веря в его могущество...

— Стоп, стоп, — остановил Петрович увлекшуюся в обличении врага богиню, — а откуда в наших душах эти гнусные чувства и привычки? Неужели их тоже вложил в нас Прометей?

— Не в коем случае. Душа — это ведь фильтр, через который человек пропускает все, встречающееся в жизни: и плохое и хорошее. Хорошее он использует, как пищу, а плохое... плохое как ил откладывается на дне — в определенной ситуации ил может всплыть и превратить чистую воду в непригодную для употребления.

— Но что же тогда делать? Ты так и не ответила, — сказал Петрович. Он поставил свой бокал на стол и приготовился услышать ответ. Ответ, который ему был известен.

Кивнув, Лахе посмотрела ему в глаза;

— ТЫ ВЗВЕШЕН НА ВЕСАХ И НАЙДЕН ОЧЕНЬ ЛЁГКИМ, — сказала она. — Я взвесила тебя еще до твоего прихода. Ответ на твой вопрос *мне* не известен. Мне кажется, люди сами должны ответить на него. А я ничего не знаю о будущем. Лучше обратись по этому поводу к Атро...

...Петрович с нетерпением дожидался трапезы. И вовсе не оттого, что был голоден. И даже не оттого, что ждал ответа на свой вопрос. Честно говоря, больше всего его интересовала сама Атро и, конечно, будущие взаимоотношения с ней.

Он пришел раньше всех, сел за стол, на свое обычное место. Потом обнаженные девушки исполнили свой обычный танец с мытьем рук и сервировкой стола; затем появилась Кло. Слово не

замечая присутствия Петровича, она сполоснула руки и — чистыми, — выхватив из клубящегося облака клубок ниток, начала перебирать его. Спустя минуту-другую, появилась Лахе. Ни на секунду не задумываясь, она села рядом с Кло. Теперь клубки запрыгали в их руках, будто в представлении жонглеров. И конечно, они оживленно заговорили между собой, вглядываясь в картинки, демонстрируемые облаком. Вслед за ними пришла Ананке. Окинув хозяйским взглядом видимую часть стола, она принялась за процедуру отбора вин. Вот и отобранные бутылки заняли свое место на столе. Но Атропо не появлялась. Петровича никто не беспокоил, он сидел безмолвный, невидимый будто, не притрагиваясь ни к блюдам, ни к приборам. Впрочем, не притрагивался никто. Похоже, все ожидали Атропо...

Сначала в трапезную влетела стая птиц. Петрович никогда не был поклонником орнитологии, но решил отчего-то, что это были жаворонки. Они зависли высоко в воздухе — впрочем, там, где их освещал еще свет свечей в канделябрах, — и издали долгую звонкую трель: чр-р-р-к, — после чего в трапезную влетела Атропо.

«Извините!» — счастливым голосом ребенка, дождавшегося наконец своей порции мороженого, прощбетала она.

Птицы исчезли. «Привет», — буркнула в

ответ Кло. Остальные промолчали.

Атро подбежала к стулу рядом с Петровичем, громко шлепнулась на него плотной попой; «привет!» — клюнула Петровича в щеку сухими губами. «Привет», — откликнулся Петрович. У него осталось впечатление, что они — два агента на чужой территории, — обменявшись паролями, признали друг друга в качестве сотрудников одной разведывательной службы. Она, будто подтверждая, что испытывает то же самое, опустила руку ему на колено, но, не оккупируя вышележащие области, убрала ее тут же, поскольку рука потребовалась для еды. Впрочем, оккупация состоялась чуть позже, когда трапеза закончилась, и они, вбежав в ее апартаменты, упали на громадную кровать под балдахином — такую широкую, какой Петровичу еще не приходилось видеть, несмотря на свой обширный жизненный опыт. Собственно, ширина этой кровати казалась длиной — причем, удвоенной или утроенной, — а саму длину определить так и не удавалось ввиду ее необычайной ширины. Но это ничуть не огорчало, поскольку такое устройство любовного ложа казалось единственно верным, единственно подходящим для адекватного выражения своих сакральных чувств. Несмотря на пыл, превышающий азарт Кло, Атро приступила к выражению своих чувств с не меньшим знанием

дела, чем Лахе. Ее маленькое верткое тело творило чудеса пространственных перемещений — буквально на грани магических, и Петрович к вящему удовольствию поспевал за ней, хотя и с большим трудом. И все же, когда он решил, что окончательно догнал ее, а она вдруг предложила начать сначала, Петрович не на шутку испугался. Впрочем, с ее стороны это предложение оказалось розыгрышем: у меня и так всё болит, призналась она, довольно посмеиваясь. Они уснули, а утром, толком не проснувшись, вновь принялись за старое, с небольшими перерывами продолжая увлекательное занятие, похожее на борцовский поединок равных соперников, пока не наступило время трапезы, о чем им сообщил кто-то осторожным, но настойчивым стуком в дверь. «Уже идем!» — зло крикнула Атро, удваивая частоту атакующих движений.

На трапезу они так и не отправились, а продолжили поединок в том же духе, не отвлекаясь на мелочи, и лишь потом окончательно обессиленный Петрович осмотрел поле битвы. Осмотрел — и испугался... Поспешно закутавшись в свою тогу, он перебрался в кресло, стоящее у кровати, и стараясь не смотреть на обнаженную Атро, разметавшуюся во сне, занялся осмотром помещения, в котором происходили события последних двух дней. Судя по интерьеру,

принадлежало оно если не ребенку, то юной особе и, скорее всего — несовершеннолетней. Ну скажите, чьему вкусу мог соответствовать розовый, в алых сердечках тюль балдахина, ниспадающего с фиолетового потолка, покрытого золотыми звездами; скажите, кому еще могли нравиться все эти бантики и рюшики, куклы и мягкие игрушки, горы маленьких подушечек, разноцветные наклейки на стенах и мебели в виде цветочков, бабочек, мишек, зайчиков и лисичек. Кому? — Петрович кинул виноватый взгляд на невинное, разругавшееся во сне личико, доверчиво прижавшееся к подушке: из уголка по-детски пухлого рта тянулась ниточка слюны — еще одно свидетельство юного возраста хозяйки помещения. Лишь одна вещь выглядела диссонансом в приторном, розово-слащавом интерьере этой комнаты: портрет на стене, который в очень реалистичной манере изображал отвратительную старуху со злобным выражением лица, мерзкой улыбкой на бледных губах и костлявыми руками, в которых она держала что-то похожее на холодное оружие, — в общем, настоящую баба-ягу, какой она представлялась Петровичу с тех пор, как он услышал свои первые сказки. Желая получше рассмотреть старуху, он встал с кресла и подошел к столу, над которым висел портрет. Оказалось, что в руке «баба-яга» держала ножницы совершенно

необычной формы: с кривыми, как турецкий ятаган, лезвиями, — должно быть, специальные какие-то, скорее всего, хирургические. Самое интересное, что точно такие же лежали на столе — на чистой, розовой поверхности письменного стола прилежной ученицы девятого-десятого класса, где они казались таким же диссонансом среди разноцветных ручек, карандашей, резинок, тетрадей, альбомов, блокнотов и других канцелярских принадлежностей, как и портрет злобной старухи в интерьере девичьей спальни.

Он взял ножницы в руки, чтобы получше рассмотреть их, при этом они звякнули. Звук вышел достаточно громким в тишине спальни.

— Что ты там делаешь? — Петрович вздрогнул от неожиданности, услышав заspanный, с хрипотцой голос Атро.

— Кто это на портрете? — спросил он вместо ответа на ее вопрос.

— Пожалуйста, положи инструмент на место. — В голосе ее послышался металлический звук — такой же, какой издавали лезвия ножниц.

Не понимая причины ее раздражения, он кинул ножницы на стол, и они возмущенно зазвенели.

— Я ведь ничего такого не сделал, — пожал он плечами.

Мелькнув белыми ягодицами, Атро вскочила

с кровати, одним движением накинула тунику и, покончив таким образом с одеванием, подошла вплотную к Петровичу. Она была значительно ниже его, а потому, глядя ему в глаза, вынуждена была задирать голову.

— Разве ты не узнаешь меня? Это я, — мотнула Атро головой в сторону портрета.

Петрович взгляделся в ее глаза, а потом перевел взгляд на лицо старухи. И точно: в глазах «бабы-яги» пылал тот же inferнальный огонь, что и в глазах Атро.

— А я-то испугался, что ты несовершеннолетняя! — расхохотался он. — Если бы ты знала, как я испугался, что спутался с несовершеннолетней!

— Признайся, тебе понравилось, — совсем по-девчачьи хихикнула Атро. Приподнявшись на цыпочках, она обвила его шею руками. — Ты не только испугался. Тебе понравилось путаться с несовершеннолетней.

Петрович зарылся носом в ее волосы и совершенно ясно почувствовал запах детского мыла.

— Нет, правда, а сколько тебе лет?

— Разве ты не знаешь, что даме не следует задавать вопрос о ее возрасте?

— Перестань, Атро. Иначе я не смогу больше лечь с тобой в постель. Мне будет казаться, что я

совершаю грех педофилии.

Отстранившись от Петровича, Атро сухо произнесла:

— Могу тебя успокоить: я старшая из сестер.

Петровичу вспомнились вдруг слова Клото о ее, Клото, возрасте.

— Значит, ты старше пирамиды Хеопса? — спросил он. — Значит, у вас, у богинь, чем старше, тем моложе выглядишь?

— Не всегда. Просто сейчас такой период, когда мы молодеем. Примерно через год — если мои расчеты правильные, — этот период закончится, и я начну становиться старше, а лет через десять вслед за мной начнет стареть Кло, а за ней, еще через пятнадцать лет, — Лахе. Каждый период длится около двухсот лет. То есть цикл составляет примерно четыреста лет.

— Как-то это сложно...

— Зато надежно. Дело в том, что живой организм не может оставаться неизменным. Ему надо развиваться. То есть изменяться, причем не важно в какую сторону. Не важно — стареть или молодеть: лишь бы не в одну сторону, как это происходит у людей. Понятно ведь, если все время молодеть, то превратишься в ребенка, а потом и вовсе исчезнешь. А если только стареть, достигнешь биологически максимального возраста — и неминуемо погибнешь в конце концов. Иначе и

быть не может. Циклическое развитие, благодаря которому существуют боги, — единственно возможный вариант биологического бессмертия.

— Ну и сколько же циклов ты уже существуешь?

Атро пожала плечами:

— Давно сбилась со счета. Но не менее двадцати.

— Ого. А какой возраст, на твой взгляд, самый приятный?

— Да как у людей: пятьдесят-шестьдесят лет. Когда уже все знаешь, все умеешь и еще в силах многое сделать. После шестидесяти и у нас начинаются проблемы со здоровьем. Но не смертельные — жить с ними можно, хотя они могут доставлять значительные неудобства. Вот зубы, например, или зрение, суставы рук, ног — в общем, всё как обычно, как и у людей. Просто мы крепче, потому что ведем более правильный образ жизни, лучше питаемся... Но если кто злоупотребляет чем-то, то к двумстам годам, можешь себе представить, каково ему приходится. Тогда, бывает, и умереть хочется, — Атро усмехнулась: — Так что правда: лучше молодости времени нет!

— Кстати, насчет питания... Тебе не кажется, что нам пора уже подкрепиться?

Атро всплеснула руками:

— Точно, у нас уже два дня ни крошки во рту

не было!

В трапезной, как всегда «с утра», было пусто. Заспанная девушка в белом переднике и кружевной наколке на высокой прическе молча поставила перед ними по тарелке манной каши и, громко зевнув, удалилась, шлепая по полу босыми ногами и вертя дебелим задом с явными признаками целлюлита. По «утрам» здесь все чувствовали себя намного проще, нежели в часы общей трапезы.

— Эх, сейчас бы по куску мяса! — глянув ей вслед, мечтательно произнес Петрович.

Девушка тотчас вернулась. На этот раз — с громадным блюдом, в котором, превосходя его размерами, покоился свиной эскалоп. Только что приготовленный, он, казалось, еще скворчал и выпускал сизый дымок вместе со слюновыделяющим ароматом жареного мяса.

— Сразу нельзя было заказать, что ли?! — спросила она. — Вам и сто грамм, может быть, еще захочется? — добавила чуть ли не с надеждой в голосе.

— А что, можно?

— А то!

— Эх, гулять так гулять! — решил Петрович. — Тыщцу лет не ел жирного.

Атро одобрительно улыбнулась:

— Вот такие, как ты, мне нравятся больше всего. Не люблю постные физиономии!

— Какие тут могут быть постные физиономии? У вас же здесь как в раю!

— Бывали и с постными. Думаешь, ты здесь первый?

Петрович закашлялся. Атро постучала ему по спине:

— Что, водочка не туда пошла?

Откашлявшись, отдышавшись, хорошенько обдумав ответ на ее вопрос, он поинтересовался вдруг:

— Если не секрет, часто мать выходит на улицу?

— Для тебя у нас тайн нет. Думаю, где-то раз в месяц.

— И каждый раз проделывает фокус с сумкой?

— Никакой это не фокус. Ее сумку и в самом деле пытался стырить этот ужасный Гласиа Лаболас.

— Я ведь не сказал, что это был случай. Фокус — это прежде всего точный расчет.

Атро отодвинула пустую тарелку в сторону.

— Мне не нравится этот разговор, — сказала она, поднимаясь из-за стола. — Я не желаю говорить о прошлом.

— Извини. Тогда давай поговорим о будущем. Скажи, пожалуйста, какова цель моего пребывания здесь? Что будет со мной дальше, примерно через

неделю? — не поднимаясь со своего места, Петрович посмотрел прямо в глаза Атро.

— Господи, мы же не боксеры, — она отвела глаза в сторону, помялась: — Ну ладно, пожалуй, тебе уже следует знать...

— Знать? Что?

— Ты проходишь здесь нечто вроде конкурса... — Она положила руку ему на плечо, как бы успокаивая его.

— Да?

— Да... Это вроде как экзамен... с очень большим конкурсом...

— Ну и ну. И на что этот экзамен?

— На ПМЖ, так сказать. На постоянное место жительства на Седьмом небе...

— В раю то есть?

— Если тебе так больше нравится, — пожала она плечами.

— Официант! Водки! — крикнул Петрович. Никто, однако, не явился на его зов...

Атро сочувственно посмотрела на него:

— Хочешь, я позову?

— Не надо. Я ничего уже не хочу. Ты лучше скажи мне: ведь когда к экзаменам готовятся, — билеты там учат и все такое... Тут же без всякого предупреждения, без подготовки — и нате вам: экзамен! А конкурс — сто человек на место... Как это понимать?

— Даже больше, — сказала Атро.

— Что больше?

— Конкурс. На данный момент — восемьсот двадцать один миллион шестьсот двадцать семь тысяч девятьсот двадцать три человека на место.

Петрович присвистнул:

— Ладно, зови ее, — махнул он рукой.

— Кого звать?

— Девчонку с водкой зови, кого же еще?!

— Погоди, тут дело серьезное... — Она снова села за стол. Сложила руки на столешнице, как прилежная ученица — на крышке парты. — Ты ведь понимаешь, что выиграть, сдав несколько экзаменов, при таком конкурсе невозможно. Выигрыш в этих условиях все равно оказывается делом случая, то есть лотереей. — Петрович кивнул. — Ну вот. А мы, Мойры, случай не уважаем. Пусть Тихе занимается лотереей. Мы же любим predeterminedность. Именно поэтому мы предложили отбирать претендентов из числа людей для жизни на Седьмом небе с помощью компьютерной программы по нескольким тысячам параметров, которые были специально разработаны нашими учеными... О господи, как я не люблю рассказывать о прошлом, — вздохнула она.

— Ага, вот для чего вы мониторите души людей! — догадался Петрович. — А я-то думаю, зачем вы путаетесь с этими клубками! То есть вы

предварительно отбираете кандидатов с помощью «клубков», а завершающий этап отбора проходит при их непосредственном участии здесь, в этой квартире, так что ли?

— Ну, в общем, так, — кивнула Атро. — Но не забывай про подвал и пентхаус, которые тоже наши.

— Хорошо. Выходит, я тоже подошел вам по каким-то параметрам? — с толикой надежды и большим сомнением в голосе спросил Петрович.

— Нет. Твое появление здесь совершенно случайное, — решительно отвергла его надежды Атро. — Мама и в самом деле хотела тебя угостить хорошим обедом за то, что ты спас ее сумку. Когда оказалось, что тут замешан Гласиа, нам не оставалось ничего иного, как оставить тебя здесь. Ну а чтобы начальство не обвинило нас в использовании служебной квартиры в личных целях, мы решили поселить тебя под видом кандидата, проходящего обычную процедуру окончательного отбора. А потом мы увлеклись и устроили тебе настоящую проверку по всем параметрам прошлого, настоящего и будущего — по отработанной методике, как говорится... Господи, ну до чего я ненавижу говорить о прошлом!

Петрович аккуратно налил себе из графинчика, выпил не закусывая, вытер губы

тыльной стороной ладони:

— Ну вот, кажется, я все понял. Не буду спрашивать, что за параметры вы используете при отборе. Это уже не суть важно. Остается узнать мой приговор, — сказал он.

— Конечно. Мы не заставим тебя долго ждать. Но ответ вначале: ты бы хотел жить вечно?

Петрович развел руками:

— Смотря как жить. Я вот живу чуть меньше семидесяти — и то уже не понимаю, что вокруг творится. Мы, старики и молодежь, — совсем разные существа, мы как разбегающиеся галактики, у нас все меньше и меньше общего, у нас даже язык разный. Я уж не говорю о физической немощи и болезнях — тут и так все понятно. Я говорю лишь о том, как трудно психологически смириться с фактом отставания от каравана жизни, все дальше уходящего вперед. Вначале ты следуешь вместе со своим поколением, в достаточно большой группе людей, чтобы не замечать ни возникающей разницы во взглядах на пройденное и предстоящее с членами иных возрастных групп, ни естественного убывания представителей твоей группы. Потом оказывается, что ты бредешь в окружении несчастного десятка людей, вдыхая пыль, поднятую удаляющимся караваном. И наконец, ты один, в пустыне, пытающийся найти дорогу по исчезающим следам... Скажи, а как будет

чувствовать себя человек на тысячу лет старше остальных?

— Не знаю. Никогда об этом не думала. Но не уходи от прямого ответа. Я ведь предлагаю тебе жизнь в раю.

— Как я могу ответить, когда не знаю, на что он похож, этот ваш рай? Может, на Америку, может, на Бразилию или на джунгли какие?

— Скорее, на Швейцарию, — рассмеялась Атро. — Помнишь рекламу молока: снежные вершины, прозрачные ручьи, изумрудные луга, упитанные коровы, краснощекие малыши, пышущие здоровьем...

— Красиво... — вздохнул Петрович. — Однако боюсь, что все это рекламная картинка, мало похожая на реальность.

— Тем не менее, уверяю тебя, на Седьмое небо с виду она похожа. Только у нас неизмеримо лучше.

— Ну конечно: каждый кулик хвалит свое болото...

— Итак, тебе не хочется попасть в рай?

— Я этого не говорил... Но вот если скажу, если откажусь, — тогда что со мной будет?

— Альтернатива простая: или рай, или ад. Неужели ты выберешь ад?

— Опять же: как я могу выбрать ад, если не знаю, на что он похож? Не верю в геенну огненную,

в котлы с кипящей смолой, в чертей, пытающих грешников. Все это как-то примитивно, рассчитано на людей с низким интеллектом. Или я не прав?

— То-то и оно, что прав.

— На что же он похож тогда?

— Можно на него взглянуть, если хочешь.

— Взглянуть на ад, конечно, было бы интересно, — медленно, осторожно, с расстановкой произнес Петрович. Он отчего-то испугался и почувствовал даже, как мурашки неожиданно пробежали по спине. Вообще-то, бояться его — это нормально, потому что, по идее, ад — самое страшное, что может быть в жизни, решил он.

— Тогда идем.

Они встали и пошли куда-то, постепенно отдаляясь от огня канделябров и погружаясь в привычную полутьму. Черт возьми, никак не научусь ориентироваться здесь, подумал Петрович. И вдруг понял, что очутился в прихожей... Вроде как сама собой распахнулась дверь, они вышли на лестничную клетку, где уже стоял в ожидании лифт.

— О-о-о, кого я вижу! — приветствовал их Арон. На сей раз он казался гораздо более оживленным. — Ну что, молодежь, на самый верх, надеюсь?

— Нет-нет, всего лишь на чердак, — ответила Атро.

— То есть, не в пентхаус, а на чердак. Я правильно понял барышню?

— Правильно, — буркнула Атро.

Лифт шел неожиданно долго, хотя, насколько понимал Петрович, подняться предстояло всего лишь на один этаж. Наконец остановились:

— Прошу! — Арон распахнул дверь. — Только, смотрите мне, ненадолго. А то уеду — и спускайтесь тогда как хотите.

Вышли в привычную полутьму. Здесь дуло, пахло мышами, ноги в сандалиях по щиколотки погрузились в шлак, используемый на чердаках в качестве утеплителя.

— Иди за мной, только осторожно. Тут кругом балки: и сверху, и под ногами. Голову береги, — предупредила Атро.

Они прошли с десяток, наверное, метров — полусогнувшись, с поднятыми над головой руками, осторожно переставляя ноги в шуршащем шлаке, уворачиваясь — инстинктивно скорее — от призрачных полотнищ паутины. Из-под ног Петровича выскочила то ли кошка, то ли здоровенная крыса, потом, захлопав крыльями, вспорхнула птица — голубь, скорее всего, или сова быть может.

— Стой, это где-то здесь, отчего-то шепотом сказала Атро. Она чертыхнулась в темноте, ударившись, видимо, обо что-то, потом, судя по

звуку, сама во что-то ударила своим маленьким крепким кулачком. «Что-то» скрипнуло, и вдруг поток света пролился из открывшегося слухового окна. Навстречу потоку в светящийся прямоугольник влетел голубь, за ним выскочила кошка, а потом, окруженный ореолом света, как на иконе, проявился на фоне синего неба силуэт головы богини. — Иди сюда, тут ящик. Встань на него рядом со мной, — скомандовала она.

Петрович поднялся на шаткий ящик, обнял богиню за талию и выглянул в окно.

Перед ним расстился весенний Киев: внизу, в узком ущелье между стоящими вплотную домами, бежала Стретенская и впадала в столь же узкую, стремительной стрелкой летящую Стрелецкую; дальше, над большим серым зданием золотыми монгольфьерами поднимались к облакам купола Софии, а там, еще дальше — каким-то чудом он видел это, — и Владимир, вознесший крест над зеленым морем Крещатого яра, и Днепр, торящий широкую синюю дорогу до самого Черного моря, ну и совсем далеко за ним, за полями, за лесами, разлеглась степь без конца и края, Дикое поле, откуда всегда, с времен Древней Руси, на Киев надвигалась беда, — вот и сейчас там не было покоя, и сейчас там гибли люди, в общем, шла война, но этого Петровичу уже не дано было рассмотреть...

— Но где же ад? — спросил Петрович, ожидавший увидеть нечто необычайное — ужасное и ужасающее. — Ты обещала показать ад, а мы видим Киев. Конечно, вид невероятно красивый, я благодарен тебе, что ты меня привела сюда, но это никакой не ад, а город, который я люблю, в котором живу почти семьдесят лет, и в котором, надеюсь, закончатся дни мои, отпущенные для жизни.

— В том-то и весь ужас, — возмущенно проговорила юная богиня, — вы живете в аду (ибо вся земля — ад!) — и не знаете этого, и не хотите знать! Вы придумали себе преисподнюю, населили ее какими-то чертями и еще черт знает чем — и думаете, что это где-то далеко и что попадают туда только после смерти. На самом деле ад всегда с вами, он здесь, вы в нем прописаны на постоянное проживание. Всю жизнь вас пытаются, мучают, но вы не замечаете этого, так как уверены, будто все самое страшное и жуткое люди испытывают после смерти, в некоем мифическом аду. При этом каждый надеется, что лично его эта участь минует, потому что он подает милостыню нищему или потому, что по праздникам ходит в церковь. Не пьет, не курит, не прелюбодействует — и тоже избежал ада; перевел старушку через дорогу — вот еще балл в зачет. Эта пропагандистская сказка придумана Люцифером,

чтобы подчинить себе человека, чтобы он оставил всякие мысли о борьбе с ним здесь, на земле. Хотя я на месте владельцев крупных СМИ (большинство из которых, к сожалению, принадлежат властям и самому Люциферу) отдала бы самые значительные ресурсы на разъяснение того факта, что каждый, осужденный родиться здесь, прямо из рук акушерки попадает в котел с кипящей смолой, который, собственно, и называется «жизнь», и что вырваться из этого «котла» удастся лишь единицам, прошедшим наши испытания и оказывающимся на Седьмом небе, а все остальные обречены на вечные муки на земле. Но они — и власти, и Люцифер — боятся сказать правду, потому что человек, лишенный надежды, неуправляем. Такому человеку нечего терять. Вот Люцифер и придумал сказку (а церковь его поддержала) про то, что в ад отправляются после смерти, да и то лишь большие грешники, не сумевшие замолить своих грехов при жизни. Мол, всем остальным — прямая дорога в рай. Люцифер тщательно скрывает то, что фактически является властителем земли, ставшей после ухода богов местом мучений человека, адом, — и никакого другого ада не существует. А человек, что ж, он со своим умишком не догадывается об этом, а если бы и догадывался, то побоялся бы сразиться с дьявольской ратью. Это правда: «имя им легион», с которым людям лучше не связываться... — Атро

замолчала и, оторвав свой взгляд от киевских далей, строго посмотрела на Петровича: — Теперь ты понимаешь, какой редкий шанс тебе выпал, чтобы избежать вечных мук на земле, и наоборот — чтобы испытать вечное счастье на Седьмом небе?

Петрович опустил руку, которой придерживал Атро за талию, и с удовольствием посмотрел на нее — все-таки она была очень красива, эта «юная» богиня.

— Скажи мне, а зачем вам нужны люди? И богам, и демонам — зачем они вам? Почему вы не оставите нас в покое?

В этот момент в окно влетел голубь и сел на плечо Атро. Испуганно взмахнув руками, она свалилась-таки с ящика. Голубь вспорхнул и благополучно пересел на плечо Петровича. Богиня приземлилась тоже достаточно успешно, на две ноги, а потом, восстановив равновесие, проговорила быстро: «РАЗДЕЛЕНО ЦАРСТВО ТВОЕ» — и заплакала отчего-то.

И сразу из темноты выступили три фигуры — две сестры и мать в центре, со своей сумкой под мышкой. Сердито поглядывая на Петровича, остававшегося на своем ящике как на пьедестале (в «тоге», с голубем на плече, освещенный светом, падающим из окна, он похож был на священную статую перед дельфийским храмом, а они, четыре богини в сумраке возле его ног, — на простых

гречанок, принесших ему свои нехитрые дары, дабы вымолить прощение за несуществующие преступления), они принялись успокаивать Атро.

— Ну ты, Аполлон Петрович, спускайся на грешную землю, — скомандовала Ана, как только Атро перестала хлюпать носом и подвывать, как это делают дети, когда уже «не плачется».

— Сначала ответь на мой вопрос, или слабо сказать правду?

— Имей в виду: процедура отбора все еще продолжается. Твое поведение — веский критерий в окончательном решении относительно твоей судьбы.

— Еще бы, ведь вам нужны исключительно послушные слуги.

— Какие слуги? О чем ты?

— Думаешь, я не догадался своим ограниченным умишком, зачем вам люди. Те девчонки, что прислуживают вам за трапезой, делают массаж, прибирают в доме, — они ведь не богини, правда?

— Правда. А что тут такого? Кто-то же должен это делать?

— Где еще вы используете людей? На что я могу рассчитывать, если пройду отбор?

— Мы людей не используем. Они с радостью служат нам там, где могут быть полезны. И ты мог бы, допустим, помогать какому-либо из богов,

когда у него наступает период старческой немощи. Ты мог бы работать сборщиком амброзии или нектара на наших прекрасных плантациях, дающих до десяти урожаев в год, — совсем не тяжелый труд на свежем воздухе. В конце концов, ты разбираешься в технике, а значит, мог бы пригодиться на одном из предприятий, выпускающем промышленные изделия или пищевые продукты — все они, правда, расположены под поверхностью Луны, где, как ты понимаешь, воздух не так свеж, как хотелось бы... — В этот момент раздался звонок, похожий на телефонный. Торопливо порывшись в сумке, Ана извлекла смартфон, сделала несколько кликов, нервно прокрутила изображение:

— Ну вот, девочки, он не прошел отбор! Программа его забраковала как безнадёжного. Тогда о чем с ним говорить? — сообщила она с явным сожалением. Тут в голос зарыдала Атро; чуть помедлив, ее поддержали сестры. — Ну получил хотя бы «подающего надежды»! — простонала Ана, смахивая слезу, и бранясь тут же: — Вот черт, сейчас тушь размажу!

«Мама, неужели ничего нельзя сделать!? — орали девчонки. — Ну придумай что-нибудь!» — «Ну что тут придумаешь? Ничего! — оправдывалась мать. — Вы же знаете, „безнадёжных“ они сразу исключают из всех программ. Теперь мы его даже на

обед не можем пригласить! Его даже Арон откажется обслуживать. Теперь у него одна дорога — в ад!»... С этими словами на чердаке откуда-то потянуло ветром, раздался стук — то захлопнулось слуховое окно, — и сразу стало темно, ни зги не видно. Спустя некоторое время загорелся вдалеке слабый огонек и зазвучал чей-то глуховатый голос, мужской как ни странно, на манер монаха, скороговоркой, без всякого выражения читающего бесконечную покаянную молитву: «...а это грех немалый; стенание и слезы прими июня двенадцатого совратил девицу Людмилу двадцати лет — и это грех, невеликий правда; рыдание и вопль наш даже до смерти а января семнадцатого — с замужней Оксаной Федоровной имел греховную связь длиной в ночь в распутстве, во всяком лукавствии и марта восьмого, использовав нетрезвое состояние девицы Елены вступил с ней... не воздай нам по делом рук... мая двадцать четвертого... с ней тоже грех... столе... по грехом нашим несмы достойни... снег... не совершили быхом мы, окаяннии обманул и не пошел на работу, якобы заболел, но отчего... якоже блуднаго сына... кто это был... пришли все вместе... блудницу и мытаря отморозил уши... потерял... содеяхом беззаконие и неправду... написал рассказ, и что... того ради далече уклонихомся... был нетрезв... уехал ночью... порвал все связи... хитростию змия изгнани быша

из... сжег рукопись, хоть они... осквернихом тело, осквернихом чувство... язык наш явился якоже меч остр, направлен противу ближняго; очи наши исторгают пламень, руки наша полны крове; ноги наша скоры на совершение зла, уста наша осквернена злословием, и, кратко рещи, осквернихом и землю и воздух наша превысиша горы, любостязание... облаки, породы наши достигоша, — и загремел наконец во гневе великом, да так громко, что у него голова раскалывалась: — ...греси наши суть непростительни, преступления наша не имут извинения, прегрешения наша суть неисправима, и се земля не может понести наших злодеяний... а большие, непростительные грехи твои — ГРЕХ РАВНОДУШИЯ, К СЕБЕ ПРЕЖДЕ ВСЕГО, И ГРЕХ НЕРЕАЛИЗОВАННОГО, ДАННОГО СВЫШЕ!..» — «Грех равнодушия, грех нереализованного!» — все еще гремело в его ушах, раскалывая голову, когда стало светло... Ана низко склонилась над ним так низко ее распущенные волосы в Древней Греции носили рабыни он почувствовал запах раздавленной земляники... Земляники...

— Ана... То была ты... Я знаю теперь. — Он с трудом сложил эту фразу. Язык — распухший, тяжелый, неповоротливый — еле слушался его, голова по-прежнему раскалывалась, слова вспоминались так тяжело, будто извлекались из

глубокого, темного карьера, как гранитные валуны.

— Он пришел в себя! — кому-то сказала Ана.

— Куда пришел? — не понял Петрович, снова проваливаясь во тьму...

...открыл глаза.

— О господи, наконец-то! — сказала она. — Давай, кашку скушаем.

— С каких это пор ты кормишь меня кашкой, Ана? А где же твой шамбертен? Помню, ты утверждала, что он — лучшее лекарство от старости и болезней. — Петрович понял уже, что болен, болен серьезно, раз Ана не отходит от него и кормит манной кашей из чайной ложечки, и болен давно, потому что чувствовал — и видел даже на самом краю поля зрения — черную бороду, несомненно принадлежащую ему... Сколько же прошло времени, если успела отрасти такая борода? — не меньше месяца вероятно, подумал он.

Ложечка выпала из ее руки, белая клякса каши появилась на бороде. Она принялась вытирать бороду выхваченным откуда-то из-за его головы полотенцем, кляня свою неосторожность и одновременно объясняя ее: мол, не ожидала, что он заговорит так бегло всего через час после укола каким-то чудодейственным лекарством, назначенным новым врачом. «Ты меня испугал прямо! — сказала она. — Месяц в беспамятстве — а тут на тебе, заговорил».

— Тебя трудно чем-либо испугать, Ана, — сказал он.

— Ну ладно, раз уж тебе лучше стало... — Она отставила куда-то — на тумбочку, вероятно, — тарелку с кашей, плотнее уселась на своем стуле. — Тебе памперсы поменять не надо? — вдруг спросила она. Он прислушался к своим ощущениям, к ставшему привычным ощущению влажного тепла между ногами, подумал секунду-другую — и уверенно отверг ее предложение. — Хорошо... Так вот, меня давно интересует: кто такая Анна?

Петровичу вопрос не показался слишком трудным:

— Ана — это ты, — уверенно ответил он.

Ана, однако, не разделяла его уверенности:

— Я твоя жена Ольга, — сказала она и всхлипнула, собираясь заплакать. Но удержалась.

...

— Какая такая «жена»? — задал Петрович дурацкий вопрос. Придумать что-либо более умное ему — за минуту, примерно, совершенной оторопи — так и не удалось. Не лучше ли снова отключиться на месяц-другой, подумал он. Ему и в самом деле стало хреново как-то: тупая боль разлилась в голове, в висках застучало.

— Врач рассказывал, что у тебя могут быть провалы в памяти, что ты можешь быть не вполне

адекватен. Но он надеется, что все восстановится, и я, конечно, тоже надеюсь. — Она говорила торопливо, время от времени промокая глаза платочком, скомканным в руке. — Самое интересное, что эту Анну ты не выдумал. Она существует. Более того, она со мной разговаривала по телефону. Как это тебе нравится? Мне — не очень... Кстати, она тебя почему-то называет Ёван — на иностранный манер, что ли? — Красивое ее лицо покраснелось, тушь все-таки потекла, как она и боялась (или это Ана боялась?), и ее дрожащая рука все больше размазывала намокшим микроскопическим платочком грязные пятна по щекам. — Она позвонила на следующий день после того, как ты поехал в редакцию и не вернулся. Я не спала всю ночь, обзванивала полицию, редакции, больницы, а примерно в полдень задремала на диване — и тут звонок. «Здравствуйте, меня зовут Анна. Можете забрать Ёвана. Он на чердаке дома по Стретенской, 13». Представляешь? Забрать! — будто ты шкаф антикварный или чемодан со старыми письмами. Я — туда, на такси. Хорошо шофер отзывчивый попался. Он и фонарик мне предложил, и со мной на чердак поднялся (а лифт там, конечно, сто лет как не работает), и «скорую» помог вызвать. Я сама не знаю как справилась бы... Темно там и страшно, еле тебя отыскали. Забился в угол — голый, в простыню какую-то замотанный,

водкой, как от бочки, разит — мне самой чуть плохо не стало...

Постепенно он перестал ее слышать — возможно, благодаря чувству самосохранения. Уж очень жесток был для восприятия больного ее рассказ. И вообще всё здесь, в месте, где он находится (ему кое-как удалось приподняться на подушке и осмотреться вокруг), трудно воспринимается даже здоровым, не то что больным человеком, думал он. Тяжелый воздух, наполненный миазмами в предельной концентрации, был смертельно опасен для дыхания — двое из шести несчастных его соседей, судя по всему, уже лишились этой жизненно необходимой функции организма. Двое других стонали, изо всех сил доказывая суровому больничному божеству свою неиссякаемую жизнеспособность. Еще у одного бедняги силы были на исходе: он уже не стонал, но время от времени издавал истошный крик, вызывая таким образом сестру, которая, подчиняясь правилам того же божества, всё не появлялась. «Жена его Ольга» тоже, видимо, стала его, сурового бога, адептом: глаза ее гневно сверкали, губы произносили жестокие слова, так что становилось совершенно ясно — прощения от нее ни сейчас, ни в будущем ждать не приходится. В общем, все говорило о том, что «юная богиня» была права: ад находится на земле, и Петрович

угодил точно в его эпицентр.

В этот момент в палату с дарами в руках явились три знакомые ему богини: так ему показалось, вначале по крайней мере, когда он увидел их фигурки в накинутых на плечи белых халатах — ну точно богини в своих туниках, под которыми... «Жена Ольга» приветственно помахала им рукой: «А вот и дочери явились. Как всегда, все сразу — хорошо хоть внуков с мужьями не привели!» Петрович в ужасе закрыл глаза: в его перечне грехов только инцеста не хватало... Когда они, расставив стулья, рассевшись и расшуршавшись кулками, оживленно заговорили, расспрашивая мать о состоянии его здоровья, Петровичу пришлось открыть глаза, чтобы продемонстрировать, насколько ему стало лучше. Они радостно взвизгнули, когда он продемонстрировал свой фокус оживления. Петрович и сам чуть не завизжал от радости, увидев их вблизи: они совсем не походили на известных ему богинь и, безусловно, ими не были. Вместе с тем они были очень хорошенькими барышнями и, кажется, действительно любили его. Да и «жена», по правде говоря, на Ану походила лишь некоторой монументальностью фигуры, объясняемой, скорее всего, возрастом, и решительным выражением лица, весьма, впрочем, подходящим в данных обстоятельствах. «Дочки» что-то сказали, и он засмеялся. Тогда засмеялись все

— счастливое семейство! Он готов был уже признать «дочек» своими детьми и даже «жену Ольгу» не называть больше Анной (хотя и сознавал в глубине души, что это не поможет, — она все равно никогда не простит его), то есть лишить их всех сразу унижительных кавычек невсамделишности. За какие-то заслуги, которых он не совершал, ему дарили целую семью — кто от такого откажется!? Петрович готов был к этому и главное — ему уже нравилось в реальном аду гораздо больше, чем в уголке того гипотетического «рая», который ему сулили в результате прохождения процедуры окончательного отбора...

— Смотри, твой новый доктор пришел, — тихо сказала «жена», кивнув в сторону двери.

Это был невысокий лысоватый человек с круглым лицом, отчего-то показавшимся Петровичу хорошо знакомым. Да и он вроде узнал Петровича, потому что, едва их взгляды встретились, подмигнул ему — не весело, но как-то многозначительно.

— Надо порадовать его, что новое лекарство оказалось просто чудодейственным. Он из барселонской клиники «Хирон» — лучшей в Испании. К нам приехал буквально на пару недель для консультаций. Представляешь, как тебе повезло!? Его зовут Гласиа. Доктор Гласиа Лаболас...

Но Петрович уже узнал его. Двадцать пятый дух, губернатор преисподней, предводитель тридцати шести легионов духов, конечно, не мог простить заурядному человеку свое фиаско на Стретенской. Теперь Гласиа пришел по его душу...

Петровичу стало страшно — деваться-то было некуда. Ужас охватил его. «Живым в руки не дамся», — решил он, оглядываясь в поисках чего-нибудь, что помогло бы ему покончить с собой. Ничего, только ложка на тумбочке, но как воспользоваться ей, чтобы осуществить свое намерение? Вдруг вспомнилась Ана и ее слова о возможности помочь, если он будет готов к смерти. Так готов ли он? И поможет ли она?

Между тем Лаболас (чей облик становился более узнаваем) уже тянул к нему свою дрожащую руку, а на небритом одутловатом лице проявилась хищная улыбка.

Что ж, он готов. Но готова ли Ана?... «МЕНЕ, ТЕКЕЛ, ПЕРЕС», — торопливо прошептал Петрович...

...Он проснулся среди ночи. Поворочавшись с боку на бок, Петрович вздохнул и зажег свет, чтобы выпить корвалмент. На полу валялся Кьеркегор. На будильнике было четыре-пятнадцать — наступил час быка.

Второе пришествие

*«Придет же день Господень,
как тать ночью...»*

2-е Петра, 3:10

*«Будьте же и вы готовы, ибо,
в который час не думаете,
приидет Сын Человеческий».*

От Луки, 12:39,40

*«И потом сказал Он: лица
Моего не можно тебе увидеть,
потому что человек не может
увидеть Меня и остаться в
живых».*

Исход, 33:20

Внезапно проснувшись среди ночи, он услышал, как кто-то ковыряется в замке входной двери.

Была глухая ночь, за окном темно, в комнате ни зги не видно, но свет он не зажег, опасаясь спугнуть незваного гостя. Кто бы это мог быть: обычный вор или... необычный — бандит какой-нибудь, серийный убийца? Впрочем, сейчас все станет ясно. Он лежал прислушиваясь, сдерживая дыхание, чтобы не упустить момент взлома замка. Хотя какой там замок? Эта девушка,

его соседка, на днях зашедшая к нему за солью — Мария, как она представилась, протянув ему ладошку, — сказала, что точно такой же, как у него, стоит в квартире у ее бабушки. Он стоит там с тех пор, как бабушка, в возрасте самой Марии, вышла замуж: муж на заводе получил квартиру и вот, получив, первым делом поставил на двери новый замок.

— Но кстати, кроме того, старинного, замка, теперь у нее на дверях установлено еще три современных: цилиндровый, дисковый и сувальдный.

— Ого, я и слов-то таких не знаю, — с искренним уважением проговорил он.

— А я знаю, потому что *меня* замки интересуют. Дом у нас новый; пока все жители обустраиваются, новые замки поставят, для воришек тут рай настоящий будет. Теперь такие времена, знаете ли, — вздохнув, сказала она.

— Ну а *вы* замуж когда собираетесь? — кивнул он на ее «неокольцованную» руку.

— Я? Чтобы мне мужчина настолько понравился, не знаю даже, каким он должен быть... Во всяком случае, не таким, как мои одноклассники.

— Ну конечно. Такой красавице только «принц» нужен!

— Да нет, просто я замуж пока не собираюсь.

Нынче девушки выходят замуж гораздо позже, чем раньше. — Она хмыкнула: — Ну и сказанула: «Гораздо позже, чем раньше». — Потом, открыв дверь и полуобернувшись на пороге, озорно сверкнула карим глазом: — Вот, может, сосед подойдет... Как «суженого» хоть звать-то?

Он улыбнулся, с удовольствием принимая ее шуточный тон:

— Савва. У меня старинное имя Савва. Да я и сам уж... как старинный шкаф. Скриплю всё. Но интерес представляю исключительно для любителей антиквариата...

Он вспомнил Марию, и в комнате вроде стало светлее. Однако сразу выяснилось, что свет этот — с лестничной площадки, на миг проникший через тонированное стекло его спальни. Закрываясь, тихонько скрипнула входная дверь, отозвалась под чужой ногой потревоженная паркетина в прихожей, мятущимся светом фонарика замигал матовый экран стекла.

Гость осмотрелся, потом, видимо, наметив план «работ», тронулся прямо в гостиную, предварительно приставив к двери спальни табурет, обнаруженный в прихожей. «Это чтобы я неожиданно не появился у него за спиной, пока он будет копошиться в гостиной, — сообразил Савва. — Что ж, правильное решение. Табурет или упадет, или, перемещаясь ножками по полу, все

равно предупредит, что я проснулся и открыл дверь. Следовательно он знает о моем присутствии, но не рассматривает его в качестве критического фактора».

Савва бесшумно поднялся, нащупал спортивные штаны, висящие на спинке стула, натянул домашнюю футболку; потом сел в кресло лицом к двери и стал ждать. Он знал, что ждать придется не долго. Ничего ценного за короткий срок проживания в этой квартире у него не завелось, что нетрудно будет заметить даже в свете карманного фонарика, тем более в пустой, по сути, гостиной, — а потому и поиск не займет много времени.

И точно, минут через пять дверь в спальню скрипнула, приоткрываясь.

— Можете включить свет, я все равно не сплю. Не бойтесь, я безоружный. Выключатель слева от вас, — негромко, чтобы ненароком не перепугать гостя, проговорил Савва.

Гость оказался не робкого десятка: свет вспыхнул — и сразу стала понятна причина такой храбрости. Это был настоящий амбал, громила, вооруженный кастетом в левой руке. На его губах играла презрительная усмешка.

— Отчего ты решил, что я могу испугаться какого-то старикашки? Ты что же, думал, я не проверил, кто тут живет? Ты думал, я такой же

тупой, как воры-неудачники на роликах в ютубе? Какая наглость! Придется тебя примерно наказать. — Он подошел вплотную к креслу и, склонившись к лицу Саввы, больно ткнул его кастетом в грудь. — Отвечай, где прячешь деньги?!

— Какие у пенсионера могут быть деньги? — поморщился не столько от боли, сколько от запаха табака изо рта амбала, Савва. — Да и зачем они мне? Вот если бы я был помоложе... как ты, например...

— Вот и я говорю: зачем тебе деньги? А мне они нужны. Чертовски нужны! Где ты их прячешь? Где?! — он наотмашь ударил его по лицу — хорошо хоть ладонью, а не кастетом.

— Я бы не советовал бить меня, — пробормотал Савва, приложив руку к пылающей щеке.

— Не советовал? А то что? Тебя случайно не Шрек зовут?

Савва пожал плечами:

— Просто... Просто это нехорошо, — сказал он убежденно.

— Нехорошо?! Мы что же с тобой — дети в песочнице, и я у тебя, совочек отобрал? Поверь, для тебя всё может закончиться очень плохо.

Савва с интересом посмотрел на амбала:

— А ты отбирал игрушки в детстве? Тебе нравилось обижать детей?

— Какого хрена? Ты что, у меня интервью берешь? Мне некогда с тобой лясы точить. Не прикидывайся нищим. Я видел твою тачку. Мне на такую за всю жизнь не заработать. Честным трудом, по крайней мере. Так что гони бабло — и мы с тобой расстанемся по-хорошему.

— По-твоему, это называется «по-хорошему»?

— Я ведь уже сказал, что для тебя всё может закончиться очень плохо, и с каждой секундой вероятность такого исхода становится все больше.

— Я вижу, что ты человек образованный, интеллигентный можно сказать; неужели ты не пробовал жить иначе, за счет собственного труда, как живут большинство людей?

— Большинство людей влачат жалкое существование, — мрачно сказал амбал. — Кучка людей жируют, сидя у них на шее. Мне не по нраву ни те ни другие. И вообще не нравится, как устроена эта жизнь. Я хочу жить так, как хочется мне.

— Кто же, по-твоему, ее, эту жизнь, так устроил?

— Вот они, те, что сверху, и устроили. Они в таком устройстве напрямую заинтересованы. И тот еще, кто с самого верху на нас смотрит. Тот, кто за всё на свете отвечает. Он как раз и придумал такое устройство жизни: тем, на ком всё держится, всегда тяжелее всех. Потому я и не хочу, чтобы на мне

что-то держалось...

— Не пойму что-то: ты атеист или верующий?

— Сейчас поймешь, если не отдашь деньги.

— Бить собираешься? Тогда кастет лучше спрячь. Убьешь ненароком, а потом отвечать придется.

— Почему ж ненароком? Прибить такого вредного старикашку — общественно полезное дело сделать... — Улыбка амбала — жестокая, издевательская — совершенно не понравилась Савве: какая-то абсолютная уверенность в своей правоте, основанной на праве сильного, явственно читалась в ней. — Ну!?

И тотчас свет померк в его глазах. Лишь спустя мгновение, он почувствовал удар, резкую боль; в носу что-то хрустнуло, теплая, как чай, влага пролилась на грудь. Еще удар, теперь горько-сладким напитком наполнился рот, в нем горстью камешков-монпансье, стукнули друг о друга выбитые зубы. «Зачем?...» — подумал Савва. После третьего удара он отключился.

* * *

Очнувшись от крика — крика ужаса и боли, — источником которого был не он сам (как можно было бы предположить), а некто, находившийся по соседству, он с усилием

приподнял голову, пытаясь разглядеть что-либо сквозь красный туман, окружавший его. Усилие оказалось чрезмерным. Он снова отключился, но теперь сознание не полностью его покинуло, жалкие остатки разума позволяли вспомнить собственную боль, пронзавшую как всё тело, так и отдельные его участки: руки, грудь, голову — особенно, зубы и нос, а также невыносимо нывший правый глаз, да, пожалуй, и всё лицо. Еще ему хотелось в туалет — вот что не давало сознанию полностью избавиться его от себя, но, оставаясь какой-то частицей, еле заметной искрой при нем, оно нисколько не помогало ему решить эту проблему. Вместо решения красным светом аварийной сигнализации в его мозгу вспыхивало предупреждение: «Ты Бог! Ты Бог! Ты Бог!» — точно сирена, взывал внутренний голос. Терпеть далее было невозможно. Он расслабился и почувствовал, как струи жидких испражнений потекли по ногам...

...«обделался весь!» — услышал он, очнувшись. Его тело безжалостно, как деревянную колоду, переворачивали чьи-то жесткие руки, нещадно терли влажной губкой, тело там и там отзывалось невыносимой, казалось, болью, но он терпел, сцепив зубы, потому что понимал, что в данный момент ему помогают, хотя и не совсем милосердно... Приоткрыв глаза, он увидел

пожилую женщину в несвежем белом халате, нянечку вероятно, которая, швырнув на пол грязные простыни, вынутые из-под Саввы, перешла к соседней кровати, на которой, как ему теперь стало понятно, лежал кричавший ночью человек. Теперь человек не кричал, но лежал неподвижно, безмолвно — как труп, трупом, собственно, и оказавшись: женщина привычным движением ладони прикрыла ему глаза, перекрестилась и сразу же, тут же, ту же руку запустила под подушку, на которой лежала голова покойника. На ее лице появилось выражение разочарования, когда из кошелька, найденного под подушкой, она извлекла несколько зеленых бумажек — жалких двадцаток, судя по всему. Она осуждающе взглянула на покойника и, тяжело вздохнув, прошептала в его адрес что-то нелицеприятное (а возможно, и нецензурное), хотя бумажки все-таки положила в карман халата.

— И не стыдно обирать покойника? По-моему, это называется мародерством, — прошептал довольно громко Савва. В его голосе, впрочем, прозвучало гораздо больше любопытства, нежели возмущения.

Женщина вздрогнула (скорее, от неожиданности, чем от страха), но сразу же взяла себя в руки:

— Ему они уже не нужны, — убежденно

ответила она, накрывая покойника с головой и демонстрируя этим сакральным действием свою правоту.

Савва пытливо посмотрел на нее:

— А ты бы могла убить из-за денег?

— Бог с тобой, что ты говоришь?! — не на шутку возмутилась она.

— Прости, я не хотел тебя обидеть. Но то же самое — мол, деньги ему нужнее — сказал человек, который хотел меня убить, — немного подумав, сказал Савва.

Она подошла и, устало вздохнув, присела на стул возле его кровати.

— Я вон прибрала из-под тебя. Подмыла тебе задницу. Новые простыни застелила. Думаешь, мне приятно в говне возиться? А зарплата у меня считай никакая. Могу же я хоть копейку подзаработать за такой труд, как ты думаешь?

— *Unicuique secundum opera eius*⁴. Уверен, что за копейку он бы на тебя не обиделся, — хмыкнул Савва.

— Тем более что у тебя-то под подушкой пусто, — хихикнула вдруг она.

— Обещаю, перед смертью позабочусь о тебе.

---

⁴ На латыни: «Да воздастся каждому по делам его». Матф. 16:27: «Ибо придет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его».

Так и быть, детишкам на молочишко пару копеек оставлю, — рассмеялся теперь и Савва. — У тебя ведь есть детишки?

— И детишки, и внучата. Только детишкам, знаешь, не молочишко, а вино и водочку уже подавай.

— Что, пьют? — соболезнующим тоном поинтересовался он.

— Старший, тот пьет. Но не смертельно. — Она помолчала. — А ты вот и впрямь, чуть Богу душу не отдал. У нас, по правде, эту палату «мертвецкой» называют. Сюда кладут только безнадежных, таких притом, которые без роду и племени, за которых некому заплатить.

— Вон как... Выходит, не оправдал я ваших ожиданий?

— Выходит, нет. С утра, кажись, совсем мертвый был. Хрипел только, вроде про Бога что-то.

— Ну что ж, видать, и правда к смерти готовился, — задумчиво сказал он.

— Да уж, я бы не удивилась... Мне, знаешь, на жмуриков здесь довелось насмотреться — не дай Бог никому. Но ты меня удивил. Первый раз вижу, чтобы человек так быстро у нас оклемался, да еще ни копейки не заплатив...

Человек в черной шляпе, длинном черном пальто и с черным «дипломатом» в руке вошел в палату, громко хлопнув дверью, по-хозяйски огляделся и, поставив «дипломат» на пол, повесил пальто на металлическую вешалку у входа, а потом уверенным шагом прошел к кровати Саввы.

— Следователь городской прокуратуры Чертков, — представился он, двумя пальцами прикоснувшись к полям шляпы.

— Да вы бы сняли шляпу, — пробормотал Савва. Он не любил, когда его будили громкие звуки и незваные посетители в черных шляпах.

— Не беспокойтесь обо мне. У меня к вам всего несколько вопросов. — Он с опаской взглянул на койку в противоположном углу палаты, где находилось очередное тело, с головой накрытое одеялом. Решив, видимо, что тело ему не мешает, он пристроил чемоданчик на коленях и разложил на крышке несколько бумаг. — Итак, ваше фамилия, имя, отчество?

— Это что, допрос? — спросил Савва, мучительно пытаясь вспомнить свою фамилию и отчество.

— Ну что вы. Просто мне нужно для протокола. Попытка убийства, поджог... Дело, естественно, занесено в реестр досудебных

расследований. Мне кажется, в ваших интересах сотрудничать с нами.

— Да, понимаю, наверное — в моих... Но, видите ли, дело в том, что я о себе ничего не помню. А раньше помнил — это я точно помню.

Следователь озадаченно воззрился на Савву.

— Что ж, бывает, — задумчиво сказал он. — Надо переговорить с врачом. Но описать преступника, по крайней мере, вы в состоянии?

— Боюсь, что нет, — с сожалением проговорил Савва.

— То есть вы совсем ничего не помните?

— Именно так.

— С какого же времени не помните?

— Ну, с самого начала. С рождения то есть. Ни о родителях, ни о месте рождения, ни о возрасте — ничего не помню. Зато помню кое-что о недалеком прошлом: где жил, где работал, мелочи всякие — тут как-то бессистемно получается...

Следователь всмотрелся в лицо Саввы. Взгляд его был тяжелым, недоверчивым.

— Неприятный случай. Такого в моей практике еще не было, — медленно проговорил он. — А главное, и ваши документы сгорели. По крайней мере, на месте происшествия никаких бумаг не обнаружено. Но не беспокойтесь, мы как-нибудь во всем разберемся. Такая наша работа. Что ж... — он захлопнул крышку чемоданчика,

намереваясь уходить.

— Простите, вы случайно не знаете, как я выбрался из квартиры?

— Да, действительно, это интересно. Вас спасла соседка, Мария, кажется. Она же вызвала пожарных. Вы ей жизнью обязаны. Есть основания полагать, что преступник с помощью поджога хотел уничтожить все следы своего пребывания в вашей квартире... вместе с вами И еще: пока идет следствие, квартира будет опечатана. Вам бы надо подумать о месте жительства. У вас родственники есть?

Савва беспомощно посмотрел на следователя:

— Не помню.

— Вот видите. Думаю, мы с вами скоро встретимся. Так что, до встречи, — следователь привычно отсалютовал, приложившись пальцами к тулье шляпы. — Что за мерзкая погода?! — в сердцах проворчал он, снимая с вешалки свое черное пальто. — Черт знает что! Середина апреля, а холодина, как зимой.

«Мертвое» тело в углу зашевелилось, из-под одеяла выглянула взлохмаченная голова:

— Так ведь конец света наступает, — объявила она. — Теперь ждите катаклизмов всяких. В Америке вон ураган, в Мексике землетрясение, в Китае потоп, в Украине и Сирии война. «Ибо придет Сын Человеческий...» — и восстанут

мертвые из могил...

Следователь торопливо выскочил за дверь.

— Тоже мне, Иоанн Богослов ⁵, — пробормотал он.

* * *

Две недели спустя он смог убедиться в том, что следствие продолжается: действительно, дверь его квартиры оказалась опечатанной. «Ну, что делать будем?» — спросил он сам себя.

— А хрен его знает, — ответил он сам себе.

— Быть может, посетим следователя Черткова? — предложил Савва.

— Ну уж нет, — ответил Савва. — Слишком он, чертов следователь, уверен в неотвратимости предстоящей встречи. Что-то он под нас копает, я уверен в этом — копает. Да и вообще, не люблю я людей в черных шляпах. — Почто так? — спросил кто-то, ироничный, безапелляционный, недавно устроившийся внутри него.

— А вот не знаю, — безапелляционно ответил Савва. — Не помню! Я ведь вообще ничего не

---

⁵ Один из Двенадцати апостолов, единственный из них умерший естественной смертью. Автор Евангелия от Иоанна, Книги Откровения (Апокалипсиса) и трёх посланий, вошедших в Новый Завет.

помню.

— Ну, ну. Удобная позиция, — ответил «ироничный». Только посмотрим, что о ней думает следователь Чертков...

Тем не менее нужно было что-то делать. И, помявшись немного, он позвонил в соседнюю квартиру.

— Кто там? — секунд через десять раздалось за дверью.

— Сосед ваш, погорелец, — слегка замаявшись, ответил Савва и сделал шаг назад, чтобы его лучше было видно в дверной глазок.

Последовало клацанье мощных запорных систем, продолжавшееся не менее десятка секунд. При этом пол под ногами Саввы ощутимо вздрагивал.

— Вам не требуется старинный шкаф? — спросил он, когда дверь приоткрылась.

Мария хмыкнула, потом шире распахнула дверь.

— А он через проём войдет?

— Так помаленьку...

— Давайте попробуем. — Она отошла в сторону, приглашая его войти. — Куртку снимайте, туфли не надо. Куртку повесьте здесь. — Она указала на зеркальные двери шкафа-купе, занимавшего большую часть стены прихожей.

В прихожей было светло, множество

лампочек, встроенных в подвесной потолок, создавали здесь равномерное, уютное освещение, а потому, с улыбкой (предназначавшейся Марии) повернувшись к зеркальным дверям и увидев себя в полный рост, он, две недели в больнице не видевший своего отражения, буквально опешил от неожиданности.

— Господи, — прошептал Савва. — Ну точно, беженец из Алеппо. — Совершенно заросший, две недели не брившийся, исхудавший, в чужой, не по росту одежде, он и в самом деле больше всего походил то ли на бомжа, то ли на беженца. Но не это изумило его, а собственная, на тридцать два зуба, белоснежная улыбка. Он был уверен, что большинство зубов у него выбито. Что-что, а вкус кровавого «монпансье» во рту после удара амбала он очень хорошо помнил. Для больничной жиденькой каши зубы не требовались, однако тактильные ощущения собственного языка во рту указывали на то грустное обстоятельство, что зубы уже никогда не смогут помочь ему в пережевывании не больничной, более твердой пищи. Но теперь — поди ж ты! — зеркало самым объективным и неоспоримым образом свидетельствовало о наличии всего комплекта зубов — даже тех, кажется, что были утеряны еще в молодости.

— Глупости. Вы прекрасно выглядите.

Особенно в сравнении с тем разом, когда я за ноги вытаскивала вас из горящей квартиры. Просто чудо какое-то! Вон и кожа на лице уже вроде как загоревшая, а не обгоревшая. Вроде как после горнолыжного курорта. Да вы просто помолодели лет на десять! Побриться только осталось. Ну и придется, может. Где костюмчик-то взяли?

— Фонд там у них какой-то при больнице. Вот и костюм, и куртку, и другую одежду выдали. И даже денег немного, на первый случай. Как заработаю — верну. — Он извлек из кармана пригоршню двадцаток: — В общем, гуляем до утра.

— Ага. Что ж мы тут стоим? Идемте «гулять» в мою светлицу. Хочется расспросить вас о многом.

— Да я, собственно, поблагодарить вас пришел. Мне следователь рассказал, что вы спасли меня, геройский поступок совершили. В общем, спасибо... что старый шкаф в огне не оставили.

— Ну как же: музейная ценность, «выносить в первую очередь»... Садитесь вот на диван, а я в своем кресле устроюсь. Извините только за беспорядок. Не ждала никого сегодня. А завтра зачет. Да не смотрите на меня так испуганно, я к зачету уже готова, так что все-таки гуляем до утра!

Они уселись, как предлагала Мария, — и замолчали. Несколько принужденно Савва огляделся по сторонам. Мебели в комнате было минимум, однако по всему чувствовалось, что здесь

живет девушка, студентка, хорошенькая к тому же: компьютер с мятущимся по экрану скринсейвером, куча раскрытых учебников и тетрадей, стопки папок, дисков, флешки разных размеров, фломастеры и помада всех цветов, скрепки, ножницы, чашка кофе, дырокол и утюг — на рабочем столе, а на кресле рядом — ворох одежды из колготок, лифчиков и юбок, а так же надкушенная плитка шоколада в надорванной упаковке, лежащей, как на изысканной салфетке, на кружевных трусиках в центре этой своеобразной композиции.

Почувствовав, что пауза несколько затянулась, Савва напомнил:

— Ну, расспрашивайте.

— Ну, благодарите, — засмеялась Мария.

— Прежде чем благодарить, мне бы хотелось узнать, как вам удалось вытащить меня... из «горящей избы». Вы ведь совсем не похожи на Некрасовскую женщину. Помните: «Сидит, как на стуле, двухлетний ребенок у ней на груди»?

— Некрасова мы не проходили. А как вытащила? Ну как шкаф вытаскивают: где кантовала, где тянула, где толкала... Честно говоря, не очень хорошо помню. Помню, тяжело было и страшно. Ведь полыхало уже не на шутку. Еще помню, головой вы ударились, когда мы через порог перебирались, — гулкий такой удар был о

цементный пол на лестничной площадке. И опять я испугалась, как бы у вас сотрясения не случилось. Так что, если затылок болит, то не обессудьте, это с непривычки таскать бесчувственных мужчин за ноги. Хотя, если честно, тогда я на вас очень зла была... Представьте себе: иду домой, устала как лошадь, спать охота, часа три уже, а тут — глядь, из-под вашей двери дым валит. Я за ручку дёрг — а дверь и открылась. Ну вот, думаю, пожар сосед натворил. Кто ж за такое спасибо скажет? По крайней мере, не такая трусиха, как я. Однако решила, что спасать-то вас все равно надо. Может, в газете потом напишут, по телику покажут. А я буду отвечать, мол, на моем месте так бы поступил каждый... Ну вот. Что тут еще рассказывать? Теперь благодарите.

— Вы просто вымогательница, — продемонстрировал он ей свою голливудскую улыбку. — Тем не менее я вам действительно благодарен. Вот ведь как получается: ты можешь быть уверен, что готов к смерти и вроде не боишься её, но когда дело доходит до финиша, как только она начинает обнимать тебя своими холодными руками, то сразу — сразу же! — хочется вырваться из них как можно скорее. Я ведь лежал в палате, которую они в больнице между собой называют «мертвецкой». И они все, да и я сам, мы все решили, что мне не выкарабкаться. И вот, умирая

— я это хорошо помню, — я думал о том, как жаль умирать, когда мне наконец стало понятно, как надо жить. Я понял это, как только подошел к краю жизни и смерти. На краю этой пропасти сразу всё становится понятно...

— Прекратите, а то я сейчас заплачу, — вдруг потребовала она. — Вы что, не видите, у меня же глаза накрашены!

— Извините, — сконфузился он. — Мне пора идти. Хочу успеть забежать на свою бывшую работу. Может, там мне помогут с временным жильем. Да и справки кое-какие нужны для восстановления паспорта. Даже не знаю, что важнее в моем положении — жилье или документы...

Мария всплеснула руками:

— А я, дура, вам даже чаю не предложила... Послушайте, — вдруг решила она, — если у вас там ничего не выйдет, приходите ко мне. Мы что-нибудь придумаем. В конце концов, у меня две комнаты и кухня. Если пообещаете не приставать, я, так и быть, устрою вас где-нибудь на диванчике.

* * *

— Что ж, выглядишь ты хреново, но не настолько, как мог бы, исходя из того, что с тобой произошло, — так приветствовал Савву бывший друг, директор «конторы», где он работал перед

выходом на пенсию. Бывший друг покачал головой: — Ну и видос у тебя. Ты что, костюм в секунд-хенде раздобыл?

— Можно и так сказать, — пожал плечами Савва. — Ты ведь знаешь, что со мной приключилось. Откуда, кстати?

— Тут на днях следователь приходил... В черной шляпе такой.

— Ага, Чертков, стало быть...

Бывший друг кивнул.

— Сильно интересовался твоим прошлым, этот Чертков... Требовал выдать все документы, касающиеся тебя. И, что интересно, оказалось, твое личное дело в отделе кадров отсутствует. Что за чертовщина! — бывший друг возмущенно вскинул руки. — Не могу понять, куда оно могло запропасться? А ведь мы обязаны хранить эти документы чертову кучу лет после увольнения сотрудника!

— Понял... Но справку ты мне хоть выдашь?

— Об этом не волнуйся. — Он вопросительно взглянул на Савву: — Что-нибудь еще?

Савва замялся.

— Тут вот какое дело... У меня, пока идет следствие, опечатали квартиру... Да и все равно там жить нельзя — гарь сплошная, как ты понимаешь... Нельзя ли мне хотя бы с недельку где-нибудь здесь пристроиться — в актовом зале или в библиотеке?

А там я что-нибудь придумаю...

Лицо бывшего друга (в меру приветливое до сих пор) вмиг приобрело нейтральное выражение прожженного администратора.

— Ты ведь знаешь что это невозможно и тебе не может быть не известно что по окончании рабочего дня этажи закрывается охраной и опечатывается охрана мне не подчиняется не понимаю на что ты рассчитывал когда просил меня об этом не понимаю, — произнес он монотонным голосом механического устройства, не глядя при этом собеседнику в глаза, прикрыв свои рукой, козырьком приставленной ко лбу, как это делают люди, мучимые совестью или головной болью.

— Сколько «не» в одном предложении! — восхитился Савва, хорошо знавший способности бывшего друга к перевоплощению. — Ты никогда не пробовал избавиться от «не» хотя бы в частном разговоре?

— А ты никогда не пробовал руководить несколькими тысячами людей на режимном предприятии?

— Честно говоря, я пришел к тебе не как к руководителю режимного предприятия.

В глазах, вновь взирающих на собеседника, мелькнул испуг. «Неужели? По крайней мере, хоть что-то человеческое», — подумал Савва.

— Будем считать, у нас неформальный

разговор? — медленно произнес бывший друг.

— Смею надеяться.

— Вот ты все ёрничаешь, издеваешься, троллишь... а ведь у меня тоже могут быть проблемы. — Вторая половина предложения прозвучала абассандо — то есть с постепенным уменьшением силы звука, — так что последнее слово, произнесенное бывшим другом, Савва еле расслышал.

— Проблемы? — не веря своим ушам, переспросил он.

— Да не то чтобы... Но кое-какие неприятности могут быть, — чуть ли не умоляюще бывший друг взглянул на Савву. И снова перевоплощение, подумал тот. — Короче, у меня кое-что пропало...

Савва вновь оглянулся по сторонам. Первое впечатление при входе, что он попал в номер «люкс» пятизвездочной гостиницы — полированный стол с золочеными виньетками, громадные кожаные кресла и диваны на гнутых ножках, ламбрекены на окнах, картины в позолоченных багетах на стенах (не хватает лишь алькова с двуспальной кроватью) — только усилилось.

— И что же это? — спросил он.

— Пока не буду говорить. Скажу лишь: оно не очень громоздкое, но очень дорогое...

— А что ты хочешь от меня?

— Чтобы ты написал расписку в том, что получил эту вещь (тогда мы ее и назовем) для временного использования дома. Такое допускается... Ну вот. А в результате пожара она сгорела. И подлежит списанию. Только и всего. — Теперь, высказав свою просьбу, бывший друг вопросительно и почти весело смотрел на Савву.

— Всё ясно, — сказал Савва. — Я понял. Ничего у тебя не пропало. Просто ты придумал новый метод отказа. Ты знаешь, что я ничего не захочу подписывать, а тогда и ты будешь в своем праве отказать мне. Только и всего. Что ж, во всяком случае, ты выполнил мою просьбу избавиться от «не». Однако возникает вопрос: а если бы я согласился написать расписку, ты бы все равно отказался устроить меня на несколько ночей в «конторе»?

— Э-э, — бывший друг в задумчивости почесал затылок. — Да нет, что-нибудь придумал бы.

— Например?

— Например, у многих наших поставщиков есть гостиницы, дома отдыха, коттеджные городки. Я бы тебя где-нибудь пристроил. Это ведь лучше, чем ночевать на стульях в нашей библиотеке?

— Ну так и пристрой, что тебе стоит?

— А расписку напишешь?